

ДИСКУССИЯ ПО СТАТЬЕ Е. С. ГАЛКИНОЙ

В. Н. Залеская (Санкт-Петербург). В статье Е. С. Галкиной предлагается во многом нестандартное решение ряда вопросов этногенеза и в связи с этим соотношения политических сил на исторической арене в эпоху Великого переселения народов. Предлагаемое решение нетривиально поставленных вопросов основано на прочной источниковедческой базе; ответы на них либо вполне убедительны, либо носят риторический характер и заставляют задуматься над сложностью проблемы и различных ее аспектах. Хотелось бы остановиться на двух положениях статьи, показавшихся мне, как византинисту и историку искусства, важными для осмысления тех историко-культурных процессов, которые происходили на территории Юго-Восточной Европы в раннее Средневековье, и последствия которых отмечены рядом артефактов гораздо более позднего времени. Во-первых, это масштаб последствий того, что народ под названием булгар, выделившись из огромной степной империи, тремя разновременными волнами проник в различные регионы Европы; во-вторых, полиэтничность булгар, вобравших в свою орду сарматов, алан, славян, тюрок и ираноязычные группы. Последнее обстоятельство побуждает представить себе, хотя бы гипотетически, как этот конгломерат этносов повлиял на материальную культуру и искусство в Юго-Восточной Европе, причем не только в VII в.

1. Хорошо известна варваризация одежды и украшений, начавшаяся еще в Римской империи и продолжившаяся в Византии. Причем вещи, предназначавшиеся для подарков византийским федератам, специально украшались в варварской ма-

нере. Учитывая вкусы потребителей, константинопольские ювелиры, изготавливая украшения для подарков вождям племен, в помощи и поддержке которых империя была заинтересована, обращались к традициям искусства «гуннской эпохи», использовали приемы мастеров полихромного стиля. Однако, из письменных источников следует, что стиль таких подносных наборов ни с каким конкретным этносом не связывался. Исключение составили болгары. В датируемой IX в. Монеувасийской хронике, описывающей события 587–588 гг., когда славяне вторглись вглубь Балканского полуострова и дошли до Пелопоннеса, отмечены вошедшие в это время в моду «болгарские пряжки»¹. Это — значимое свидетельство, указывающее на степень воздействия материальной культуры народа, появившегося на Балканах еще до прихода орды Аспаруха.

2. Существуют две загадочные группы памятников, прямо или косвенно имеющие отношение к болгарам. Одна из них — золотые сосуды из клада, — 23 предмета, — найденные в Надь-сент-Миклоше в Трансильвании (хранятся в Художественно-историческом музее в Вене). Этот клад, датируемый в пределах IX–X вв., приписывают то болгарам, то венграм, то печенегам. На ряде сосудов имеются тюркские руны, на одном вокруг креста располагается надпись, на неразгаданном до сих пор языке, выполненная греческой графикой. Так как в надписи читаются слова «боила» и «зоапан» (толкуется как «жупан»), встречающиеся в языке протоболгар, есть основание считать этот предмет болгарским. 12 других сосудов по своей форме и характеру орнаментации связаны с сасанидским, вернее с постасанидским, Ираном.

Вторая еще более загадочная группа памятников — это мраморные рельефы, условно датируемые XVIII–XIX вв., с изображениями как христианских сюжетов — Христа, Константина Великого, Константина и Елены по сторонам креста, так и неких светских персонажей в восточных одеждах и головных уборах. Находятся такие рельефы на Балканском полуострове, — известны находки в Греции и Югославии, — ряд экземпляров имеется в собрании Государственного Эрмитажа, происходят они из музея бывшего Русского археологического института в Константинополе. Под изображениями в несколько рядов располагаются надписи, переданные греческими буквами, отдельные слова или группы слов разделяются крестиками. Язык неизвестен, это не греческий, не караман (турецкие слова, переданные греческими буквами), не тайнопись, принятая у богомилов. Не связаны ли эти загадочные памятники с каким-то этническим анклавом, христианским по вероисповеданию, оказавшимся на Балканах с пришедшей туда полиэтнической болгарской ордой? Может быть, обсуждение статьи Е. С. Галкиной привлечет внимание к этим артефактам?

З. Н. Львова (Санкт-Петербург). Значение статьи Е. С. Галкиной, которое трудно переоценить, прежде всего, в том, что она помещает Великую Булгарию кагана Куврата в Поднепровье и на сопредельных территориях. На основе археологических данных автор рисует картину формирования на Днестре полиэтнического го-

¹ *Setton K. M. The Bulgars in the Balkans and the Occupation of Corinth in the Seventh Century // Speculum. 1950. T. XXV. P. 524.*

сударства Великая Булгария, которое возглавляла династия из древнего рода Дуло, ведущего начало от Аттилы.

И это видение политической истории Поднепровья является полной противоположностью построениям С. А. Плетневой, А. И. Айбабина, А. В. Комара и других исследователей, считающих Поднепровье частью Хазарского каганата и связывающих Перещепинское сокровище с захоронением знатного хазарина, по А. И. Айбабину — хазарского кагана.

Эта ошибочная концепция возникла из-за традиционного размещения земли предков Куврата и Бат-Бояна на территории Великой Булгарии патриарха Никифора и Феофана Исповедника в Приазовье и Прикубанье. Но такая трактовка этих письменных источников еще в 1980 г. вызвала сомнение И. С. Чичурова, который утверждал вслед за О. Н. Трубачевым, что народы и страны древности обозначали великими не исконные земли, а колонии, которые делали их державу поистине Великой. Соответственно и основная территория державы Куврата — земля предков — должна была находиться не на территории, названной Великой Булгарией, а где-то в другом месте².

Помещая центр Великой Булгарии, землю предков в Поднепровье, Е. С. Галкина делает подробный экскурс в те археологические культуры и памятники VI–VII вв., которые располагаются в Поднепровье и на сопредельных территориях. Их анализ приводит автора к выводу о полиэтничности не только политической верхушки каганата, но и его населения и о попадании на Дунай в составе орды Аспаруха не только болгар, но и славянских и сармато-аланских племен.

Но хочется подчеркнуть и другое. Своей статьей автор как бы подводит итог многолетней работе историков и археологов над историей Восточной Европы I тыс. н. э. на основе многочисленных археологических данных. И в то же время она подводит итог многолетнему исследованию и тех давно известных и безупречных, но обрывочных и несовершенных письменных источников, которыми мы располагаем. В ряде случаев они, а точнее, их ошибочная трактовка не соответствует археологическим данным (в вопросе о расположении политического центра Великой Булгарии). В других случаях, переходя к письменным данным, автор начинает сомневаться и в возможности отождествления государя уннугундуров и племянника Органы с Кувратом — каганом Великой Булгарии, и в сведениях о дяде Куврата Органе.

Автор как бы подытоживает наше исследование этих источников, открывая дорогу ранее неизвестным новым письменным источникам, к которым следовало бы обратиться. Имеется в виду русский перевод свода Джагфара XVII в., реабилитацией которого я занималась, последовательно анализируя отдельные фрагменты одной из летописей этого свода — Гази-Барадж тарихы XIII в.

Е. С. Галкина отрицает подлинность этого русского перевода свода, однако, не на основе анализа этого текста, а присоединяясь к его критике, прозвучавшей, в частности, на страницах журнала «Звезда Поволжья» (2003 г., № 17–21). Не имея возможности познакомиться с этим изданием, но исходя из названия помещенной в нем

² Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 111.

и приводимой Е. С. Галкиной статьи³, думаю, что критика была направлена не на текст свода Джагфара, а на неких журналистов и на сомнительную и тенденциозную статью последнего владельца и издателя свода Джагфара Ф. Г.-Х. Нурутдинова «Булгары и мировая цивилизация», которая была напечатана в качестве приложения к своду в одном с ним издании, но никакого отношения к своду Джагфара не имеет. Что же касается самого свода Джагфара (в котором ни слова не говорится о шумахах!!!), то входящие в него летописи никто из противников его подлинности еще серьезно не анализировал.

А между прочим данные одной из этих летописей — Гази-Барадж тарихы полностью соответствуют выводам, к которым приходит Е. С. Галкина на основе археологических данных. Вслед за М. И. Артамоновым Е. С. Галкина датирует сложение племенного союза булгар в Причерноморье 630-ми годами, временем после распада Западно-Тюркского каганата. Политический центр Великой Булгарии автор связывает с памятниками Перещепинского круга, которые И. О. Гавритухин датирует 630–670-ми годами. А по данным Гази-Бараджа именно к началу 630-х гг. перед распадом Западно-Тюркского каганата (629–630 гг.) Куврат принимает сан кагана Великой Булгарии. Сопоставление этих данных с «Именником» позволяет назвать точное время его инаугурации — она происходила в год вола третий месяц и падает на период с 30 марта до 28 апреля 629 года⁴.

Подтверждает Гази-Барадж и то, что политический центр Великой Булгарии располагался в Поднепровье и, в частности, в районе распространения памятников Перещепинского круга. Родовые кочевья Куврата находились между аулом Аскал на Бури-Чае (Днепре) и Харька, а его ставкой был Балтавар в районе современной Полтавы. Именно здесь, близ Полтавы и был обнаружен Перещепинский комплекс, по одной из наиболее популярных версий связанный с погребением Куврата. А по другому свидетельству Гази-Барадж на расстоянии дня пути от родовой ставки Балтавар находилось захоронение дяди Куврата Бат-Органа (Органы). Позднее в бытность Куврата каганом ареал его кочевий расширился, охватывая территорию от Батавыла-Хорысдана в районе современного Путивля до Банджи (Фанагори)⁵.

Уточняет Гази-Барадж и сведения об Органе (Бу-Юргане) — дяде Куврата и брате его отца Албури. В бытность Бу-Юргана балтаваром после 605 года его бекство простиралось от Учуды (Карпатских гор) до реки Аксу и от Кук-Куянтау (горы, на которых был воздвигнут Киев) до Джалды (Крыма). И это делает понятным сообщения византийских писателей о зависимости болгарских балтаваров от их соседей — авар. Вассальная зависимость от авар и их произвол вынудили Бу-Юргана искать союза и защиты у Рума (Византии). Однако, получив поддержку Рума, Бу-Юрган по непонятной причине отказался от сана балтавара, предпочтя ему звание бояра-предсказателя, а в 620 г. на престол был возведен его племянник Куврат⁶.

³ *Измайлов И. Л.* Незаконнорожденные дети господ журналистов, или О навязчивом шумеро-булгаризаторстве истории татар // *Звезда Поволжья*. 2003. № 17–21 (169–173).

⁴ *Львова З. А.* «Гази-Барадж тарихы». Вопрос о подлинности летописи // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. 2003. № 36. С. 139.

⁵ *Бахши Иман.* Джагфар тарихы. Оренбург, 1993. С. 16–18.

⁶ Там же. С. 16–17.

Приведенные данные летописи Гази-Барадж тесно связаны с сообщением патриарха Никифора о крещении в 619 г. некоего безымянного гунна, которым в свете сказанного выше видится Бу-Юрган. Союзы с Византией обычно сопровождались крещением предводителей варваров, которое было не всегда по вкусу местной знати. Поэтому Бу-Юрган отказался от престола, а мусульманин Гази-Барадж умолчал об его крещении. Но вот что интересно. Под этим же 619 г. сообщается и о нападении авар на войско Ираклия в Гераклее. И сообщение Гази-Барадж о союзе Бу-Юргана с Византией делает объяснимым это нападение. Его причина в попытках Византии перетянуть на свою сторону вассала авар.

И, наконец, последнее. Как уже говорилось выше, опираясь на археологические данные, Е. С. Галкина говорит о большой роли в Великой Булгарии позднесарматских и других ираноязычных племен, которые вошли в свое время в гуннский союз. В частности, часть племен с сарматской основой поселилась в нижнем Поднепровье — в Надпорожье. И это также находит отражение в тексте Гази-Барадж. Ираноязычные урусы (русы, руссы) и сабаны⁷ неоднократно ею упоминаются.

Младший брат Куврата Шамбат в 620 г. по приказу Куврата возвел на месте аула Аскал город Башту и выступил из него во главе отряда булгар, анчилов и *сакланов-русов* на авар... Позднее, после смерти Куврата Шамбат при поддержке Атилькэсэ напал на его сына и наследника Бат-Бояна с ак-балынскими ульчийцами и *сакланами-урусами*. На стороне Бат-Бояна были *сабаны*... А позднее во времена хазарского кагана Барджиля (после 745–759 гг.) и балтавара Саклана Кара-Булгар на Днепре Авара (727–759 гг.) в Хазарии вспыхнула гражданская война. *Сабаны* выступили против кагана-иудаиста, были изгнаны и иммигрировали в Кара-Булгар⁸ и т. д. и т. п.

Таким образом, работа Е. С. Галкиной является неким итогом исследований историков и археологов по истории средневековых государственных образований Восточной Европы. Она иллюстрирует серьезные продвижения археологии в этом направлении и полную беспомощность ученых при попытках связать археологические данные с отрывочными данными известных нам письменных источников. А это говорит о том, что мы стоим на пороге новых открытий в освоении еще неизвестных ученым письменных данных, и работа Е. С. Галкиной вплотную к ним подводит.

Русский перевод свода Джагфара — только начало освоения новых источников. Российская национальная библиотека переполнена рукописями на иврите, которые собирал А. Фиркович, текстами на арабском языке и болгарском тюрки. Работы для филологов и историков непечатый край.

С. Б. Сорочан (Харьков). Как мне представляется, статья уважаемой Е. С. Галкиной относится как раз к числу таких работ, которые рождают концепции, по ее же выражению, «построенные на одном — двух предложениях». И это не вина исследователя, а объективная реальность, с которой приходится сталкиваться любому, даже самому проницательному историку, поневоле ограниченному скудной

⁷ Бахши Иман. Джагфар тарихы. С. 374, 380.

⁸ Там же. С. 20, 25; Львова З. А. Некоторые данные летописи «Гази-Барадж тарихы» о народах и государствах Восточной Европы IX в. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2005. № 37. С. 154, таблица.

источниковой базой. Правда, применительно к вопросу о Великой Булгарии не все так безнадежно, как поначалу пытается показать автор, сводя круг источников лишь к двум упоминаниям Феофана и Никифора, которые многократно интерпретировались исследователями и, вероятно, не в последний раз. Уже в дальнейшем изложении становится ясным, что автору знакомы и свидетельства Иоанна Никиусского, «Чудес Св. Димитрия», «Космографии» Равеннского анонима, пространной редакции письма хазарского царя Иосифа, есть намеки на персидские источники (Гардизи, «Худуд ал-Алам» — «Границы мира»), нотии епископатов, не говоря уже о данных археологии. Следовательно, положение не безнадежно. Важно рассматривать все это в комплексе с максимальной методической отдачей, дабы суметь задать историческому материалу новые, оригинальные вопросы. Кое-что автору удалось, а именно, привлечь внимание к проблеме датировки формирования племенного союза болгар в Причерноморье не 630-ми гг., а несколько более ранним периодом, правда, без особых уточнений. После знаменитого, описанного Менандром Протиктором, вторжения тюрко-болгар на территорию Крымского полуострова в 70–80-е гг. VI в. во главе с полководцем Турксанфа Воханом и его союзником, «гунном» Анагеем, «владельцем племени утигуров», ситуация за десяток лет изменилась не в пользу тюрков, так что к концу VI в. болгары северо-восточного Причерноморья и Предкавказья могли почувствовать себя гораздо свободнее, чем прежде. Действительно, нет ни малейших оснований для утверждения, что тюрки и авары господствовали здесь в первой половине VII в. Это надо обязательно учитывать для объяснения феномена возникновения Великой Булгарии. Но кое-что и не надо доказывать, как, например, независимость приазовских болгар от паннонских авар, которые находились в тысяче километров от крымских и закавказских территорий, к тому же подконтрольных Византии.

Недоказуемым выглядит другое — попытка отделить Куврата, племянника Органа, владельца уногундугов, от Куврата (Коврата), правителя болгар в Приазовье. Такой вдумчивый публикатор и комментатор источников, как И. С. Чичуров, недаром заметил связь повествования Никифора об этом Куврате (Коврате), изгнании им посольства авар и восстании болгар против хагана авар. В данном случае надо руководствоваться утверждением источника, а не мнением автора, даже если это ломает авторскую концепцию. Сообщение Иоанна Никиусского тут ничего не меняет и не позволяет отказаться от тождественности упоминаемых в источниках Кувратов, — предводителя, вождя «гуннов», уногундугов, то есть болгар. Спешить видеть в Куврате Кувера тоже не стоит хотя бы по причине хронологического несовпадения того и другого, опять-таки, если исходить из свидетельств «Чудес Св. Димитрия».

Распад Великой Булгарии тоже не предмет обсуждения: разумеется, он произошел после смерти Куврата и, видимо, ближе к концу правления императора Константа II, то есть к 668 г., после чего последовало «удаление друг от друга» пяти сыновей хана, то есть окончательный развал племенного союза, не случившийся одновременно, вдруг. Причем относить последнее событие именно к 670-м гг. можно весьма приблизительно, ибо далее византийские источники сообщают о захвате хазарами земель не «черноморского побережья», как утверждает Е. С. Галкина, а земель

над Понтом, то есть к северу от Крымского полуострова, причем произошло это никак не ранее 680 г.⁹

Можно поспорить и о «бесспорности» отождествления народа *в-н-н-т-р* (*в-н-н-д-р*) именно с оногурами, а значит унногундурами-оногундурами-уннугурами-утигурами-хунгурами. История изучения термина *в-н-н-т-р* уходит корнями в столетнюю давность и пестрит разночтениями, хотя в большинстве случаев исследователи действительно сходятся в том, что в письме царя Иосифа речь идет о болгаргах, гунно-болгарских племенах либо «черных болгаргах» Константина Багрянородного и «Повести временных лет». Не исключено, что «страна в-н-н-т-р» — это Великая Булгария Феофана и Никифора¹⁰, и тут Е. С. Галкина права, говоря о пестром полиэтничном, кочевом и оседлом составе населения этого болгарского союза. Распался ли он сам, в результате внутренних процессов, внутриплеменной борьбы, столкновений, или все же свою лепту в этот распад внесло хазарское давление, — вопрос риторический. Если учесть сказанное выше и аргументы самой Е. С. Галкиной, можно склониться, скорее, к первому, чем ко второму, хотя уход Аспаруха наводит на размышление о роли хазар, да и судьба орды Батбаяна показывает, что хазарский фактор, поначалу второстепенный, стал к 680-м гг. решающим в судьбе того, что осталось от страны под названием Великая Булгария.

И последнее замечание. Упомянутая исследовательницей нотиция, в которой названа епископия Оногурон, относится не к 733–746 гг. и имеет отношение не к митрополии, а к Готской епископии. Это был список епархий, видимо, скомпилированный из разновременных записей и известный как рукопись «Parisinus 1555 А». Она дошла в единственной копии XIV в., была открыта и под греческим названием «*Taxis prokathedrias ton osiotaton patriarchon, metropoliton kai autokephalon*» впервые издана в 1891 г. известным византинистом Карлом де Боором, который отнес ее оригинал к эпохе Исаврийской династии¹¹. Последующие попытки исследователей уточнить датировку загадочной нотиции, доставившей столько хлопот историкам, до недавнего времени не выходили за пределы VIII в., за исключением Ф. Успенского, подозревавшего в списке подделку XI в., и Г. Вернадского, датировавшего его окончательную редакцию началом 60-х гг. IX в. Лишь последний издатели памятника, Жан Дарруже, опубликовавший полный свод списков епархий Константинопольского патриархата, пришел к выводу, что Нотиция де Боора, которой он присвоил № 3, могла быть составлена с учетом материалов Псевдо-Епифаниева списка и других источников конца VII в., отразила ситуацию с епископскими престолом в Европе до иконоборческого собора 757 г., но к этому были добавлены почти столетние

⁹ О переводе византийского источника и аргументации высказанного соображения см.: Сорочан С. Б. К вопросу о юго-западных пространственных пределах Хазарского каганата в VII в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII Чтения памяти чл.-корр. В. Т. Пашуто. М., 2006. С. 174–178. Подробнее см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1–2.

¹⁰ См.: Науменко В. Е. К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // Хазарский альманах. М.; Харьков, 2003. Т. 2. С. 59–60.

¹¹ De Boor C. 1) Nachträge zu den Notitiae episcopatum. I // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Gotha, 1891. Bd. 12. S. 303–322; 2) Nachträge zu den Notitiae episcopatum. II // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Gotha, 1891. Bd. 12. S. 519–534; 3) Nachträge zu den Notitiae episcopatum. I // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Gotha, 1893. Bd. 14. Heft 3. S. 573–599.

сведения конца VIII – конца IX в., почерпнутые из актов Никейского Вселенского собора 787 г. и Константинопольского поместного собора 869–870 гг.¹² Поэтому едва ли возможно сузить датировку ее составления до периода 787–805 или даже 802–805 гг. исходя только из присутствия в тексте упоминаний фракийских Верой и Сердики, как предложил К. Цукерман. К тому же этот таксис престолов носит компилятивный и, вероятно, неофициальный характер, хотя в отдельных деталях и отражает реальную ситуацию. При этом есть основания помещать ряд названных в нотиции топонимов и одновременно церковных центров (о Onogouron, о Reteg, о Ounon — Оногурон, Ретег, Унон) вплоть до Таматархи на Таманском полуострове, якобы входивших в IX в. в епархию Готфия, вне пределов собственно «страны готфов». Впрочем, основания для этого шаткие, поскольку подобные «этнические» названия мест, обнаруживающие связь с булгарами – оногурами, «гуннами», тюрками, могли встречаться и в юго-западном Крыму, примером чему служит упоминаемый в церковных документах последней четверти XIV в. южнобережный *choros*, именованный Аланией (ten Alanian)¹³. Этнонимы фигурируют и в названии епархий, на что, к примеру, указывают Минология Василия (вторая четверть XI в.) и Кларомонтанский синаксарь, где под 10 ноября значится память «Св. Ефрема, исповедника и епископа Гуннии»¹⁴. Вопрос лишь, совпадает ли она с тем «Уноном», что назван в Нотиции де Боора и можно ли рассматривать ее в качестве следов «35-й (37-й) епархии – Готфии»? Иоанн Скилица упомянул о «епископии Туркии», которая существовала у венгров во второй половине X века¹⁵. К тому же надо учесть особенность византийской этнонимии, где «этнические термины не являются этниконами в узком и строгом смысле слова, но включают в себя обширную область географо-культурно-бытовых характеристик»¹⁶.

В. С. Флёрв (Москва). Великая Болгария, ее взаимоотношения с Тюркским каганатом и аварами, формирование ее материальной культуры и круг причисляемых к ней памятников, этнический состав ее носителей в историческом и антропологическом отношении — постоянные темы в историко-археологических работах по

¹² *Darrouzes J.* Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critique, introduction et notes. Paris, 1981. P. 20–33, 45, 229–233, 241–242, 245 (not. 3). – В. Е. Науменко, следуя В. Мошину, видит в нотиции де Боора не реализованный проект по церковной организации Хазарского каганата и относит его составление к началу 60-х гг. IX в., однако такая узкая датировка, основанная на «достаточно точной топонимической номенклатуре Хазарии», якобы почерпнутой из донесения Константина Философа, едва ли приемлема для сложносоставного памятника, который зафиксировал изменения, происшедшие в списках епархий за двести лет после Псевдо-Епифаниевой нотиции (ср.: Науменко В. Е. 1) Церковная география Таврики в VII–IX вв. по данным *Notitiae Episcopatum* // Крымский архив. 1999. № 5. С. 12–18; 2) Notitia К. де Бора как источник по церковно-политическим контактам Византии и Хазарского каганата в середине IX в. // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 132–134; 3) К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX в. // Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. 12. С. 551–554).

¹³ *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Collecta ediderunt F. Miklosich, I. Müller.* Vindobonae, 1862. Vol. 2. № 355, 370, 419.

¹⁴ *Сергий.* Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 2. Ч. 1. С. 350.

¹⁵ *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Ed. I Thurn.* Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 239.

¹⁶ *Бибиков М. В.* Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. 1986. Вып. 30. С. 101.

ранним болгарам / праболгарам. Статья Е. С. Галкиной в этом отношении — одна из большого числа отечественных и зарубежных.

Высказать свои впечатления по всем затронутым автором аспектам истории и материальной культуры в коротком выступлении на страницах журнала невозможно. Поэтому лишь о некоторых, остановивших на себе мое внимание:

1. Начало статьи, первые 2–3 страницы, невольно вызывает интерес конкретной постановки проблемы и порождает ожидание новых решений. Но углубление в статью привело к быстрому разочарованию. Автор публикации попыталась осветить такое множество общих и частных проблем и вопросов, что она (публикация) стала не связанным единым стержнем исследованием, но набором тезисов с историографическим уклоном. При этом одним проблемам (например, черным болгарам) выделено несколько строк, другим (например, пальчатым фибулам) неоправданно много.

2. Совершенно не решаем вопрос о противопоставлении болгарам оногуров и кутригуров, археологически и исторически обосновать это совершенно невозможно, не попадая в область предположений.

3. Привлечение к решению проблемы Великой Болгарии Перещепино и Вознесенки до сегодняшнего дня малопродуктивно, несмотря на непрекращающиеся попытки разных авторов уточнить их даты и этническую принадлежность оставившего их населения¹⁷.

4. Автор очень легко, мимоходом «разделавшись» с проблемой этнической интерпетации памятников «сивашевского» типа, почему-то обращается к более поздним памятникам Дунайской и Вожской Болгарий, а вывод: «“сивашевскую группу” нельзя связывать с культурой Великой Болгарии в целом» просто недоказуем. Дискуссии археологов не завершены, изучение уже имеющегося материала продолжается по сегодняшний день. Необходимо рассматривать конкретный список признаков обряда и вещевого комплекса подкурганых захоронений восточноевропейских степей VI–VII вв., пока находящийся в стадии формирования. А сколько «забытых» племен, чьи памятники рассеяны от Кубани до Днепра? Если обращаться к волжскому региону, то целесообразнее хронологически было бы вспомнить новинковские курганы¹⁸.

Почему оногуры названы «племенным союзом», почему «в пяти сыновьях логичнее видеть пять племенных союзов, которые участвовали в образовании Великой Болгарии, или административных единиц, на которые была она разделена», если далее речь идет об ордах? Для археолога это был бы сигнал искать в круге памятников материальные признаки орд. Сегодня это еще невозможно, но автор в подходе к сивашевской проблеме и всей Великой Болгарии в целом забывает, что в отличие от письменных, археологические источники практически неисчерпаемы, их база пополняется постоянно. Как пример новейших открытий: появившаяся в апреле 2010 г. публикация двух погребений сивашовского типа, найденных вне основной

¹⁷ См. одну из свежих и заслуживающих внимания публикаций болгарского автора: Хрисимов Н. Вознесенский комплекс: Проблемы хронологии и интерпетации // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 7. Донецк, 2009. С. 9–42.

¹⁸ Владимиров Г. Ранни българи на Волга и Новинковската култура — проблеми, хипотези, мнения // EURIKA. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovaе. София, 2009. С. 307–314.

территории их распространения, неизбежно вносит новый дискурс в праболгарскую проблематику¹⁹.

Легко сделан вывод о естественном распаде Великой Болгарии, ссылка на отсутствие «следов разрушений» неприемлема, так как поселения болгарских племен, датируемые ранее VIII в. в южных степях неизвестны.

5. Раздел о нумизматике никак не может удовлетворять. Следует учитывать, что открытие богатых комплексов в большинстве своем случайно (к сожалению, это не принимают во внимание очень многие историки и археологи, не только Е. С. Галкина). И при такой незначительной их выборке, которой мы располагаем сегодня для Поднепровья (Новые Сенжары, Малая Перещепина, Келегеи, Вознесенка) и Дона (Большая Орловка, Подгорненский могильник и немногие другие) делать обобщающие выводы преждевременно. Основная часть подкурганых погребений «сивашевского круга» не богаче, чем «соколовские курганы». Трудно также согласиться, что последние беднее, чем салтово-маяцкие погребения. Говорить сегодня о расположении политического центра Великой Болгарии невозможно. Успел ли вообще сформироваться такой?

6. К разделу о Пастырском городище. Замечание, касающееся не только Е. С. Галкиной. На современном уровне знаний о керамике ссылки на «приазовскую» или «аланскую» являются анахронизмом. Необходимо указывать тип сосуда и памятники, где он встречен. Особенно безличен термин «приазовская» керамика.

Так же неприемлемо сегодня следующее положение: «принцип строительства полуземлянок был заимствован жителями лесостепи у славян Поднепровья, что признается практически всеми археологами», которое никак не подкрепляют ссылки на публикации С. А. Плетнёвой 1962 г. и мою 1971 г. Ссылка на «всех» исследователей некорректна, а раскопки последних десятилетий подвигли украинского археолога К. И. Красильникова начать пересмотр происхождения салтово-маяцких жилищ и их отопительных сооружений в сторону непричастности славянского влияния (попутно замечу, что формирование жилищ Первого Болгарского царства шло иным путем).

Попытка описать проблему пастырской керамики только ссылками на отдельные фразы из работ С. Ангеловой, В. В. Седова, А. Т. Смиленко, С. А. Плетнёвой и др. ничего кроме путаницы не вносит. И совершенно недопустимо было ссылаться на мою давно и походя сказанную фразу, никак не связанную с решением пастырской проблемы (Флёров В. С., 1983 — без указания страницы). Есть единственный путь — построение типо-хронологических колонок керамики со статистикой встречаемости. Не следует путать канцирскую и пастырскую проблематику. Связь пастырской керамики с аланской Северного Кавказа никем не доказана, да и работ на эту тему нет. Совершенно неприемлема общая ссылка на «Северное Причерноморье» при упоминании погребальных обрядов или керамики.

Не может не встретить возражения категоричное заключение автора в отношении этносов переселенцев на Дунай («тюркоязычные кочевники составляли малую долю эмигрантов на Дунай в конце VII в., большинство же принадлежало к племенам

¹⁹ *Бабенко В. А.* Раннесредневековые кочевнические погребения с территории Ставрополя // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа: XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Магас, 2010. С. 26–28.

сармато-аланского круга и славянам»). Ссылки опять же на отдельные мнения — не метод решения проблемы, а позиция выдающегося болгарского археолога Р. Рашева не так однозначна. В одной из последних концептуальных публикаций он говорил лишь *о присоединении* к орде Аспаруха потомков сарматского населения и славян²⁰. Добавлю: археология праболгар в Республике Болгария сейчас на некотором распутье.

Очень разочаровала заключительная часть статьи Е. С. Галкиной, в которой (автор не первая в этом) болгарская «полития» вписывается в систему «политий» Центральной Азии от хунну до Монгольской империи и европейских (термин «полития» вряд ли здесь уместен). И уж совершенно невозможно оценить было ли «огромным ... значение Великой Булгарии для становления этнического самосознания племен, входивших в ее состав».

В статье очень трудно во многих случаях уловить собственную позицию автора в многочисленных затрагиваемых ею проблемах, еще сложнее вычленил, что нового внесено ею в изучение Великой Болгарии. С большой осторожностью я отнес бы публикацию к жанру историографических, возможно пригодную в качестве соответствующего раздела в учебных пособиях. Но есть еще один жанр, надо помнить о нем, — «информационный шум», к которому я также предложил бы отнести и обсуждаемую публикацию. Работы в этом жанре создают впечатление о всестороннем владении авторами рассматриваемой тематикой и изобилуют большими историографическими экскурсами. Развитие же современной праболгаристики уже не позволяет одному автору (будь то Е. С. Галкина или другие) в равной степени ориентироваться в проблемах и методах таких отраслей науки как источниковедение, история, археология и археологическая хронология, лингвистика и т.д. Как особую специальность пора добавить и керамистику, к которой автор неоднократно обращается.

В связи с этим о ссылках. Многие упоминаемые работы частично устарели, а некоторые авторы пересмотрели свои давние высказывания или уже не обращались к некогда разрабатываемым ими темам. И, наконец, об использованной литературе. Не вся она «работает», но обращаю внимание на иное. Статья, как вид научной публикации, должна отражать хоть какой-то минимум новейших исследований. Их в статье на перечет. Последнее пятилетие (перед сдачей статьи в редакцию журнала) представлено так: за 2004–2005 г. упомянуты 3–4 публикации, за 2006 г. — 1, за 2007–2008 гг. — 0.

А. В. Комар (Киев). Жанр статьи обычно подразумевает раскрытие относительно небольшой проблемы путем интенсификации анализа источников, либо же, в случае обзорного характера, путем суммирования многолетних собственных наработок в этой области. Последними автор вряд ли обладает, особенно в области археологии, поэтому приходится сконцентрироваться на поиске принципиально новых решений в «исторической» части статьи. Здесь, впрочем, нас ожидает разочарование.

Блок письменных источников полностью лишен текстологии. Автор не использует греческие и латинские оригиналы текстов, новые критические издания

²⁰ Рашев Р. Этнический аспект материальной культуры Первого Болгарского царства // *Finno-Ugrica*. 2008. № 11. С. 81.

или переводы на европейские языки. Принципиальнейший для текстолога вопрос источников Феофана и Никифора поднимается лишь вскользь риторическими вопрошаниями, а сочинение византийского автора VII в. Иоанна Никиусского, сохранившееся в эфиопском переводе, даже названо неким «эфиопским источником», более поздним по сравнению с «Бревиариум» Никифора. Единственный метод работы с источником, представленный в статье, — цитирование перевода или комментария с последующим рефлексированием.

Набор утверждений в части тысячекратно проанализированных кратких греческих источников о булгарах тривиален и, в целом, характерен для тезисно-обобщающих работ историографической линии «осторожного скептицизма», заданного в нашем конкретном случае следованием переводам и комментариям И. С. Чичурова. Нетрадиционным моментом является только отсутствие подачи материала через призму противостояния различных историографических традиций — последние попросту проигнорированы как явление, особенно это касается крайне многочисленных работ болгарских историков.

На фоне подобного отношения к классикам и текстологам-современникам, сетовать на игнорирование круга проблем, поднятых в своих работах²¹, становится даже как-то неловко, да и для контекста статьи вообще, похоже, оказались не слишком важными вопросы о значении и времени появления в текстах термина «Булгария» («Первая», «Старая», «Большая»), социальной и административной структуры прабулгар Аспаруха (несомненно унаследованные от объединения Курта), датировки булгаро-хазарского конфликта и т.п.

Вместо этого видим, например, попытку автора «размыть» датировку сюжета о Кувере из «Чудес Дмитрия Солунского», ссылаясь на возможность перенесения точки отсчета повествования (масштабного вторжения авар в придунайские области Византии) в конец VI в., хотя она не учитывает того факта, что речь идет о комплексной привязке к абсолютным датам всей внутренней хронологии памятника, включающей целую серию славянских нападений на Фессалонику и византийские походы против славян²². «Поздняя» дата восстания (680–685 гг.) контролируется еще двумя источниками. Известна византийская свинцовая печать конца VII – нач. VIII в. Мавра — «патрикия и архонта Сермисиан и Булгар», закономерно отождествляемого с соратником Кувера²³. В надписи же хана Тервеля начала VIII в. на барельефе знаменитого Мадарского всадника упоминается «мой дядя в Фесалонике», который обычно трактуется исследователями как брат Аспаруха и отождествляется с Кувером²⁴. Подобная миграция булгар Кувера сначала в Аварский каганат, а затем к Фес-

²¹ *Комар О. В.* 1) «Кубрат» та «Велика Булгарія»: проблеми джерелознавчого аналізу // *Сходознавство*. 2001. № 13–14. С. 133–155; 2) Перешепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Донецк, 2006. Т. 5. С. 157–192.

²² Обзор см.: *Lemerle P.* La composition et la chronologie des deux premiers livres des *Miracula S. Demetrii* // *Byzantinische Zeitschrift*. 1953. Bd. 46. P. 349–361; *Иванова О. В.* 1) Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Дмитрия». Постановка вопроса // *Славянские древности*. Киев, 1980. С. 81–106; 2) Чудеса св. Дмитрия Солунского // *Свод древнейших письменных известий о славянах*. М., 1995. Т. II. С. 202–203, 206–207.

²³ *Zacos G., Veglery A.* Byzantine lead seals. Basel, 1972. T. I. № 934. P. 635–636.

²⁴ *Beševliev V.* Die Protobulgarischen Inschriften. Berlin, 1963. S. 97; *Бешевчиев В.* Прабългарски епиграфски паметници. София, 1981. С. 57–61.

салонике — гипотеза, конечно, сложная, но допустимая, а происходящие события несомненно относятся к последней трети VII в.

Вопросы вызывают и «аварские» сюжеты статьи. Так, автор полагает, что победоносные авары «предпочли Паннонию казахстанским и причерноморским степям». Правда, кроме Менандра и Феофилакта Симокатты, описавших в русле «аварской версии событий» победы авар и подчинение им целого ряда северокавказских народов и славян-антов, мы располагаем и альтернативным свидетельством. Другой историк VI в. — Евагрий Схоластик — представил передвижение авар с Северного Кавказа на Боспор и далее к Истру как единую цепочку бегства с востока от тюрков, закончившуюся лишь переходом Истра, что соответствует уже «тюркской версии событий», озвученной их правителем Турксанфом византийским послам в 576 г.²⁵ Напомним, что после впечатляющих успехов авар в войнах 558–561 гг., в 562 г. они неожиданно просят у Византии мест поселений за Дунаем. Свидетельство Евагрия прозрачно объясняет эти события появлением в 561 г. в Восточной Европе преследователей авар (Rouan) — тюрков.

Отрывочно компилируя различные мнения о статусе болгар в Аварском каганате, автор доходит до утверждения, что «паннонские кутригуры выдвинули своего кандидата на престол после смерти аварского кагана». Речь, похоже, идет о «Хронике Фредегара», но оригинал далеко не столь однозначен в трактовке. Франкский хронист сообщает, что около 631 г., то есть практически сразу после восстания против авар славян-винидов, закончившегося образованием независимого королевства во главе с купцом Само, в «царстве гуннов» (*Chunorum regnum*) вновь поднялся раздор, *eo quod de regnum certarint, cui deberetur ad succedendum*²⁶ — «поскольку боролись (спорили, судились) за удел (власть, царство, область), кто должен наследовать».

Версия о претензиях болгар в данном случае на каганский титул не только противоречит тюркским представлениям о «неборорожденном» кагане, обязательно происходящем из каганского рода²⁷, но и повествованию самого источника — количество побежденных восставших оказалось всего 9000 человек (мужчин). В 568 г. каган авар Баян заявил византийским послам: «Я таких людей найшу на землю римскую, которых потеря не будет для меня чувствительна, хоть бы они совсем погибли», после чего был отдан приказ о вторжении 10 тысячам кутригуров²⁸. Цифры сопоставимы, но вот статус кутригуров — нет. Позже, в 680–685 гг., успешное восстание против авар Кувера завершилось всего лишь беспрепятственным выходом его народа смешанного происхождения из Аварского каганата. В то же время, модель отношений авар с Кувером служит хорошим объяснением ситуации с Алциоком — расставляя своих наместников по уделам, аварский каган назначал таковыми и болгарских вождей. Попытка назначить новым наместником над болгарями не Алциока, а представителя авар, особенно в контексте поражения авар

²⁵ *Evagrius Scholasticus*. Ecclesiastical History. London, 1846. P. 246; *Дестунис С.* Византийские историки. СПб., 1860. С. 419–420; *Blockley R. C.* The history of Menander the Guardsman. Liverpool, 1985. P. 45–47, 173–175.

²⁶ *Ронин В. К.* Так называемая Хроника Фредегара // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. II. С. 370.

²⁷ Автор использует ошибочную ассоциацию с «выборным», «ритуальным» каганом позднего Хазарского каганата или, точнее, «царства».

²⁸ *Дестунис С.* Византийские историки. С. 391.

от славян Само, — и так вполне достаточный повод для восстания и ухода данной группы булгар из каганата.

Самым «резонансным» положением «исторической» части статьи Е. С. Галкиной, пожалуй, является следующий тезис: «Влияние тюрков в Северном Причерноморье было кратковременным и сошло на нет к концу VI в. Областью, подконтрольной тюркам в первой половине VII в., оставался северо-западный Прикаспий, где обитали хазары. Северо-восточное Причерноморье и Западное Предкавказье, где локализуются булгары, были уже давно оставлены тюрками». Аргументируется это заключение только тем, что автору не известны источники, где бы упоминались тюрки в данном регионе.

К счастью, сами тюрки не постеснялись заявить о своих западных границах, представив в 619 или 622 г., во время сватовства Тон-йабгу-кагана, детальное описание своих подданных китайскому двору. Этот список сохранился в хронике «Суй шу» (629–636 гг.): «Теле включают много племен. Они занимают долины, рассеявшись в обширном регионе на восток от Западного моря... Имена этих племён разные, но все они могут называться Теле... Они хорошие всадники и лучники. Они особенно жадны и живут грабежом. Племена дальше на запад имеют больше хозяйства и кормят много скота и овец, но у них мало лошадей. Со времени образования своего государства Тюрки зависят от Теле во вторжениях на запад и восток и так контролируют северные земли». Далее источник перечисляет 44 основных племени, которые «могут называться Теле», скрупулезно упоминая при этом численность войск в каждом из регионов. Не обойдены стороной и западные земли: «На восток от Фулинь [Византии] живут *Enqu*, *Alan*, *Beirujiuli*, *Fuwenhun* и другие; они имеют около 20 000 воинов»²⁹. Очевидно, именно эти «западные племена» и описываются как богатые на скот и овец, но имеющие мало лошадей, поскольку только в отношении восьми последних племен в тексте нет характеристики «сильные воины».

Из списка «Суй шу» несомненны имена алан (*A-lan*) и берсиллов (*Bei-ru-jiu-li*). Менее узнаваемы имена *En-qu* и *Fu-wen-hun*, но первых идентифицируют с оногурами³⁰, а второму из европейских племен в уточненной транскрипции Линь Ин ближе всего имя унногундуров, тем более, что именно эти болгарские племена претендовали быть названными в числе сильнейших подданных, наряду с аланами и берсилами³¹.

Важен еще один посыл источника — тюрки демонстративно подчеркивали свое соседство с Византией, хотя непосредственными соседями Боспора, разумеется, являлись болгарские племена. Такой же принцип видим и в локализации хазар китайскими источниками — так, «Повествование о Босы [Персии]» (30–50-х гг. VII в.) и книга Ду Хуаня «Цзин син цзи» (762 г.), использованные при составлении «Синь Тан шу» (ч. 221) и «Тун дян» (ч. 230), называют хазар «*туцзюэский род*

²⁹ *Lin Ying*. 1) Some Chinese Sources on the Khazars and Khwarazm // *Archivum Eurasiae Medievali*. 2000–2001. Bd. 11. P. 355–357; 2) Western Turks and Byzantine gold coins found in China // *Transoxiana*. 2003. № 6. Режим доступа: http://www.transoxiana.org/0106/lin-ying_turks_solidus.html (последнее посещение — 15.04.2011).

³⁰ *Golden P.B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Wiesbaden, 1992. P. 95

³¹ *Комар О. В.* 1) Хозари та уйгури (нотатки до «телеської» версії походження хозар) // Надчорномор'я: студії з історії та археології (з IX ст. до н. е. по XIX ст. н. е.). Київ, 2008. С. 114–116; 2) Наследие Тюркских каганатов в Восточной Европе // Мадени мұра — Культурное наследие. Астана, 2009. С. 101.

Кэса» (варианты: «Хеса», «Коса», «Тюрки Хазары», «Тюркские Хазары»), локализуя их на север от Персии и Византии³².

Пространная редакция «Армянской географии» размещает к северу от р. Кубани даже самих тюрков: «На север живут Тюрки (*T'urk*) и Булгары (*Bulgark*), называемые по рекам: *Kup'i Bulkar*, *Duĉ'i Bulkar*, *Olhontor Bkarek* и *Ā'dar Bulkar*»³³. Р. Хьюсен полагает, что в источнике названы реальные западные тюрки, но запись редакции совершена однозначно не ранее времени миграции булгар Аспаруха на запад и даже их расселения во Фракии в дельте Дуная «на острове Певка»³⁴ (скорее всего, уже после 681 г.), что значительно позже падения Западнотюркского каганата. Данное упоминание скорее относится к хазарам, действительно параллельно называемым византийскими, китайскими, армянскими, албанскими, грузинскими, сирийскими и ранними арабскими источниками «Тюрками» еще до первой половины VIII в.³⁵

Военно-политический союз Византии с Западнотюркским каганатом 626–630 гг., который император Ираклий был готов скрепить даже династическим браком с братом Тон-йабгу-кагана, возглавлявшим с титулом «йабгу» («Джабгу») западный удел каганата, свидетельствует, что в 20-х гг. VII в. западные тюрки оставались все также доминирующей силой на Северном Кавказе. Выход из-под влияния тюрков означал бы наличие военного паритета с Западнотюркском каганатом, а его, как оказалось, булгары не достигли даже с небольшим осколком каганата — хазарами.

Целый ряд других исторических утверждений статьи вызывает просто недоумение. Почему «Именно оногуры, по свидетельству Никифора, восстали в VII в. против аварского кагана», если в тексте стоят «уногундуры»? Откуда «известно, что булгары сумели подчинить кочевавших в северо-восточном Причерноморье оногуров и кутригуров» и где же тогда четкие дефиниции для различения этих этнических терминов? Почему автор «Армянской географии» «получал сведения в первую очередь от хазар»? Согласно каким данным после нашествия хазар «осколки оногуров откочевали к Волге»? И какие такие «археологические свидетельства разрушений» кочевой Великой Булгарии захотелось увидеть автору?

Уже в «исторической» части статьи появляются первые «ссылки-мистификации» — отсылка к произведениям, никоим образом не формулирующим предшествующий ссылке вывод и не являющимся для него документальным основанием (ссылки 15 и 24). Такое иногда бывает по рассеянности — невнимательно прочел, не так понял, не то запомнил, сослался не на ту страницу. Попадаются и «ссылки-алиби» — где-то близко, но все равно не те работы, которые конкретно посвящены вопросу (в статье

³² *Hirth F.* China and the Roman Orient: Researches into their ancient and mediaeval relations as represented in Old Chinese records. Shanghai, 1885. P. 73–74, 83–85; *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Paris, 1903. P. 170; *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 315, 326, 329; *Малаявкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989. С. 84, 272; *Lin Ying.* Some Chinese sources on the Khazars and Khwarazm. P. 357–359.

³³ *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883. Март. С. 29; *Hewsen R. H.* The Geography of Ananias of Širak. Wiesbaden, 1992. P. 55, 109–110.

³⁴ *Hewsen R. H.* The Geography of Ananias of Širak. P. 48.

³⁵ *Комар А. В.* 1) Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. С. 140–142, 163; 2) Наследие Западнотюркского каганата в Восточной Европе // Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. Київ, 2008. С. 288–289.

это: 51, 55, 62, 95). Но как вразумительно объяснить просто чудовищную лавину «ссылок-мистификаций» в «археологической» части статьи Е. С. Галкиной? Ссылки 30, 33, 46–50, 68, 71, 72, 75–77, 82, 83, 85, 89, 100, 102 — это уже не описки, это *системный фальсификат*, прикрывающий при помощи «научного аппарата» личные домыслы автора!

Дойдя до первобытного хаоса в виде «археологических» пассажей Е. С. Галкиной, которые, напомним, составляют более половины (!) предложенного текста, археологу лучше перейти на язык статистики. Хронологические рамки затронутых проблем — с середины V до VIII в. География — вся Центральная и Восточная Европа, за исключением части лесной полосы, заселенной финно-уграми. Количество археологических памятников в указанном диапазоне исчисляется десятками тысяч; количество единиц материала, а также печатных и архивных страниц научных работ — миллионами. Ученого, обработавшего в течение жизни хотя бы десятую долю этого материала, можно смело заносить в «Книгу рекордов Гиннеса». На каком основании и с каким «багажом» за подобные задачи берется Е. С. Галкина?

Посмотрим на «системность». Согласно статистике, наиболее часто упоминаемыми культурными определениями (или эпонимными памятниками), использованными в статье, являются (в порядке убывания): «пеньковская культура» (20); «Пастырское городище» (9), «сармато-аланская культура» (или сарматская, сарматы) (6); памятники типа Перещепины (6); памятники типа Сивашовки (4). Как видим, раннесредневековым кочевникам в статье отведено последнее место, уступающее даже сарматам, а первое занимают оседлые культуры лесостепи.

Обработка литературы и источников. Ценность иной статьи бывает часто выше многих монографий, но поскольку обобщающие работы все же в основном монографические или диссертационные, то остановимся на этом пункте. Объект внимания № 1 — пеньковская культура. Для первого «виртуального» знакомства с этой культурой, чтобы в общих чертах представить ее истоки, географию, количество памятников и их состав, характеристику материальной культуры, хронологию и историческую судьбу носителей, работу стояло бы начать с чтения как минимум 12 монографических и диссертационных работ³⁶, из которых в статье упоминаются лишь две 30-летней давности. Из трех монографических исследований Пастырского городища³⁷ в статье присутствуют ноль; из четырех диссертационных и монографических работ, посвященных коллекционированию мельчайших намеков на контакты

³⁶ *Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі (VI–VII ст. н.е.). Київ, 1975; *Сухобоков О. В.* Славяне Дніпровського Левобережжя (роменська культура і її предшественники). Київ, 1975; *Русанова І. П.* Славянские древности VI–VII вв. М., 1976; *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Подніпров'я VI–IX ст. Київ, 1980; *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепроовского Левобережжя. Л., 1981; *Сухобоков О. В.* Дніпровське лісостепове Левобережжя у VIII–XIII ст. Київ, 1992; *Любичев М. В.* Пеньківська культура Дніпро-Донецького межириччя: Дис. ... канд. іст. наук. Харків, 1994 // НА ІА НАНУ. Ф. 12. № 748; *Гавришук І. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996; *Приходнюк О. М.* 1) Пеньковская культура: культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж, 1998; 2) Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ; Чернівці, 2001; *Терпиловский Р. В.* Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Lublin, 2004.

³⁷ *Брайчевский М. Ю.* Пастырское городище (памятник VII–VIII вв. н.э. в Среднем Поднепровье) // НА ІА НАНУ. Ф. 12. № 408; *Приходнюк О. М.* Пастырське городище. Київ; Чернівці. 2005; *Горбаненко С. А., Журавльов О. П., Пашкевич Г. О.* Сільське господарство жителів Пастырського городища. Київ, 2008.

славян и кочевников VI-VII вв.³⁸ — ноль; из четырех основных работ, посвященных памятникам горизонта Вознесенки³⁹ — также ноль. Из семи базовых обобщающих работ по памятникам типа Сивашовки⁴⁰ в статье упоминается лишь реферативная работа Р. Рашева, причем издание 2000 г., а не исправленное и дополненное 2004 г. (или его переиздания 2005 и 2007 гг.). Она же является и единственной присутствующей в списке (но не использованной!) работой по проблеме постгуннских археологических памятников кочевников Восточной Европы второй половины V — первой половины VI в. Сетования на отсутствие культурных дефиниций в отношении памятников кочевников VI-VIII вв. объясняются просто — ни одна из таких работ⁴¹ автором попросту не принимается во внимание. Такую же картину, если продолжить, увидим и по всем остальным пунктам.

Ссылки на явные или частичные ошибки: 59; 64; 66; 86; 90; 91; 93; 99. Формально, вина лежит на авторах произведений, на которые ссылаются, но почему именно эти ошибки в качестве важных тезисов выбирает Е. С. Галкина? Разве ответственность автора не подразумевает проверку используемых данных? В ряде случаев несомненно, что автор просто подыскивает удобные для себя «маргинальные» идеи, не смотря ни на даты, ни на лица. Скажем, почему ничем не аргументированное предположение Е. А. Горюнова о синхронности гибели Пастырского городища горизонту «антских» кладов, мельком брошенное в книге 1981 г., не «перевешивают» десятки последующих специализированных работ О. А. Щегловой, О. М. При-

³⁸ Рутковская Л. М. История племен степного Поднепровья в середине I тысячелетия нашей эры: Автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 1986; Майко В. В. Этнокультурные связи Крыма с Поднепровьем и Северным Кавказом в VII-X вв. Дис. канд. ист. наук. Київ, 1997 // НА ИА НАНУ. Ф.12. № 785; Приходнюк О. М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ; Чернівці, 2001; Скиба А. В. Взаємовідносини слов'ян та кочовиків Південно-Східної Європи у 6-7 ст. (культурно-політичний аспект): Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2007.

³⁹ Грінченко В. А. Пам'ятник VIII в. відкритий біля с. Вознесенки на Запоріжжі 1930 р. Київ, 1937 // НА ИА НАНУ. Ф. Г/1; Сміленко А. Т. Глодоські скарби. Київ, 1965; Приходнюк О. М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ; Чернівці, 2001; Комар А. В. Перещепинський комплекс в контексті основних проблем історії і культури кочевників Восточної Європи VII — початку VIII в. С. 7-240.

⁴⁰ Орлов Р. С. Культура кочевников IV-VIII вв. С. 98-105; Атавін А. Г. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 208-264. Исправленная версия: Атавін А. Г. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Древности юга России: Памяти А. Г. Атавіна. М., 2008. С. 28-70; Приходнюк О. М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ; Чернівці, 2001. Рашев Р. Прабългарите през V-VII век. София, 2004; Комар О. В. Населення степів Північного Причорномор'я VI — початку VIII ст.: Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2002 // НА ИА НАНУ. Ф. 12. Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С. Погребения кочевников VI-VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Т. 5. С. 245-374. Комар А. В. Перещепинський комплекс в контексті основних проблем історії і культури кочевников Восточної Європи VII — начала VIII в. С. 99-136.

⁴¹ Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья — IV-XIII века. Воронеж, 2003. С. 37; Aibabin A. Early Khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // La Crimée entre Byzance et le khaganat Khazar. Paris. 2006. P. 47-60; Айбабин А. И. Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // Хазарский альманах. Харьков, 2009. Т. 8. С. 67-82; Комар А. В. 1) Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004. С. 169-193; 2) Перещепинський комплекс в контексті основних проблем історії і культури кочевников Восточної Європи VII — начала VIII в. С. 125-136; 3) Памятники типа Суханово: К вопросу о культуре булгар Северного Причерноморья 2-й половины VI — начала VII в. С. 104-112; Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С. Погребения кочевников VI-VII вв. из Северо-Западного Приазовья. С. 349-373..

ходнюка, А. И. Айбабина, И. О. Гавритухина, В. Е. Родинковой? Почему перечень пеньковских ингумаций берется из одного предложения В. В. Седова, если, судя по ссылке в статье, автор все же открывала журнал с работой Е. В. Синицы⁴², где этот перечень критически верифицирован? Почему капитальнейшие работы О. М. Приходнюка, всю жизнь посвятившего изучению пеньковской культуры и Пастырского городища, отменяются как нечто непотребное, а реально сумасбродные идеи, «тезисно», то есть обычно в виде одного-двух предложений, черкнутые в статье, вдруг возносятся на щит?

Замечу, к сожалению, что археология в подобной маргинализации наступает на самой же разбросанные грабли — сколько не предупреждалось о безответственности «тезисной археологии»⁴³, болезнь откровенно неизлечима — столь непобедимо желание выносить в люди идеи без занудной трудоемкой эмпирической аргументации! Вторым источником «маргиналий» традиционно выступают выводные части археологических работ. Часто исследователи как раз в конце длинной эмпирической работы не удерживаются от соблазна «завернуть что-нибудь этакое», дабы «оживить» историческими интерпретациями излишнюю сухость изложения. Но если специалист на основании проделанной коллегой работы к концу публикации и так уже приходит к собственным выводам, соглашаясь или нет с заключением, но, в любом случае, не придавая ему серьезного значения, то неспециалист пролистывает основное содержание работы и читает только выводы, впитывая вместо объективной картины археологического источника только «игры разума». При целенаправленном отборе подобных рискованных предположений или «маргинальных» заключений не понадобится даже фальсифицировать ссылки — «кривое зеркало» археологии уже обеспечено нашими собственными руками!

Грань между твердой и зыбкой почвой специалист чувствует довольно отчетливо, а «коллективная интуиция» обычно удерживает магистральную линию проблемы от метаний молодости, модных течений или погони за сенсациями. Но опять-таки — «специалист»! Вынужден процитировать своих учителей: «занимаются проблемой» многие, а специалистами становятся единицы!

«Имена», впрочем, также иногда могут сослужить плохую службу, если «тезисные» замечания касаются не их непосредственной специализации. На идеи М. И. Артамонова о «пастырской культуре» уже приходилось обращать внимание⁴⁴, в рассматриваемой же статье Е. С. Галкиной фигурирует еще одна фиктивная проблема — об «этносе» пальчатых фибул. Размышления о фибулах здесь построены в основном на обзорных рефератах В. В. Седова⁴⁵, в силу возраста отдававшего

⁴² *Синица Е. В.* Ранньосередньовічні інгумації у ареалі пеньківської культури // *Vita Antiqua*. Київ, 1999. № 2. С. 98–109.

⁴³ *Формозов А. А.* О критике источников в археологии // *СА*. 1977. № 1. С. 8–14; *Шер Я. А.* Некоторые вопросы археологического образования // *Археология, этнография и музейное дело*. Кемерово, 1999. С. 18; *Коренько В. А.* Этические проблемы и кризисные явления в археологии // *Проблемы первобытной археологии Евразии (К 75-летию А. А. Формозова)*. М., 2004. С. 36–38.

⁴⁴ *Комар А. В.* 1) Что такое «пастырская культура». С. 35–52; 2) «Тайны Русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е. С. Галкиной) // *Ruthenica*. Т. IX. Киев, 2010. С. 191–195.

⁴⁵ *Седов В. В.* 1) *Славяне в раннем средневековье*. М., 1995; 2) *Славяне: Историко-археологическое исследование*. М., 2002.

предпочтение устаревшим работам и уже откровенно не очень различавшего типы и варианты, хронологию и географию фибул. Также в статье заметно знакомство с более ранними работами Б. А. Рыбакова и Й. Вернера, но не с предшествующей им историографией, которая смогла бы многое прояснить.

Дело в том, что в первой половине XX в. в лесостепном Поднепровье еще не были обнаружены раннеславянские поселения, но были хорошо известны «антские» клады типа Мартыновки с различными типами фибул и украшений. Обсуждение шло, разумеется, об абстрактных носителях «культуры типа Мартыновки», «культуры пальчатых фибул» и т.п. с приписыванием данному «формированию» различной этнической нагрузки — «славяне», «кочевники», «германцы», а мнимое отсутствие поселений заставляло предполагать их весьма подвижный образ жизни. Но с выделением пеньковской и колочинской культур, к настоящему времени густо «покрывшими» своими поселениями весь ареал распространения «антских» кладов, проблема «культуры фибул» всплывает вновь разве что в подобных маргинальных работах.

Второй момент: для современного археолога «пальчатая фибула» — понятие столь же «определенное», как, скажем, «четырёхколёсное передвижное средство». Каша, в которую смешала проблему Е. С. Галкина, напоминает разве что изложение истории «Запорожца» через призму «Мерседеса» и телеги. В чем состоит «загадка пальчатых фибул» — это как раз для археолога и загадка! В последней трети V в. небольшие пальчатые фибулы с кербшитным или литым орнаментом распространяются во всех ареалах проживания германцев — от визиготской Испании до гепидской Паннонии, достигнув и Крыма. На протяжении VI–VII вв. во всех этих регионах фибулы активно эволюционировали, трансформировавшись во множество локальных типов и вариантов, взаимодействовали на уровне культурных и миграционных влияний, заимствовались соседями и т.д. Данным вопросам посвящены уже больше сотни специализированных работ. Эволюция собственно «славянских» типов началась довольно поздно — не ранее второй половины VI в., на восточногерманской основе⁴⁶. «Днепровские» же или «антские» фибулы просто принадлежат к заключительному этапу существования пальчатых фибул — середине VII – началу VIII вв., и к никаким «постгуннским миграциям» из построений Е. С. Галкиной физически не могут иметь отношения.

Отдельного разговора заслуживают «сарматские», а точнее, «неосарматские» сюжеты статьи. Советские публикации 20–50-х гг. XX в., пребывавшие под мощнейшим влиянием «нового учения о языке» академика Н. Я. Марра, рассматривали сарматов как некий универсальный генетический материал, на базе которого сформировались большинство восточноевропейских народов. Их значительную роль в формировании физического облика степных и среднеазиатских народов констатировал и один из патриархов советской антропологической школы Г. Ф. Дебец⁴⁷. Археология также увидела повторение ряда признаков в погребальном обряде

⁴⁶ См.: Гавриутхин И. О. 1) Пальчатые фибулы пражских памятников Поднепровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 127–142; 2) Комплексы пражской культуры с датированными вещами // Archeologia o początkach Słowian. Kraków, 2005. S. 405–434.

⁴⁷ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. (Труды Института этнографии АН СССР. Т. IV).

(например, ямы с заплечиками или подбоем, северную ориентировку), отправляя в «позднесарматские» даже погребения VI–VII вв. с монголоидными черепами⁴⁸. И. П. Засецкой в 60–70-х гг. XX в. пришлось почти героически доказывать смену населения в степях Восточной Европы в гуннское время, на примере появления новых культурных признаков и смешанного антропологического типа погребенных отстаивая проникновение в Европу в этот период первых тюркоязычных народов. Но история склонна к повторениям, отсюда аксиоматика первой половины XX в. начала вновь возвращаться в конце века⁴⁹.

В Болгарии увлечение версией об иранском, а не тюркском, происхождении болгар приобрело особое распространение в популярной и общей исторической литературе конца XX – начала XXI в. Из археологов-праболгаристов в этом русле действительно начинал поиски и Р. Рашев, рассматривавший прибывших с Аспарухом болгар как смешанное тюрко-ирано-славянское население⁵⁰. Но в процессе подготовки обзорной монографии о праболгарских древностях Восточной Европы и знакомства с реальной кочевнической культурой восточноевропейской степи, его взгляды начали резко эволюционировать в сторону «тюркской версии», а истоки этноса и материальной культуры болгар Аспаруха исследователь видел уже в памятниках «группы Сивашовки» и «перещепинско-вознесенской группы», настаивая в последних работах на весьма близком облике культуры болгар и хазар⁵¹.

Представления о «сарматском» антропологическом типе праболгар перекочевали из советской антропологической литературы 1-й пол. XX в. в болгарскую вместе с аналогиями. Так, например, как принадлежащие «сарматской культуре» в свое время были атрибутированы и черепа из могильника Нови Пазар. Но из 14 определенных черепов могильника 5 оказались монголоидно-европеоидными «южносибирского» типа (№ 0, 14, 20, 27, 28), 3 европеоидных черепа имели примесь монголоидности (№ 10, 19, 26), один — примесь негроидности (№ 25), один принадлежал к переднеазиатскому типу (№ 33а), один — к южноевропейскому долихокранному (№ 18), и один — к северо-европейскому типу (№ 17), то есть сравнимыми с ранними сарматами (европеоидный брахикранный тип) оказываются

⁴⁸ Рыков П. Поздне-сарматское погребение в кургане близ с. Зиновьевки, Саратовской губернии. Саратов, 1929. С. 3–4. Синицын И. В. 1) Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // Известия Нижневолжского Саратовского института краеведения. Саратов, 1936. Т. 7. С. 81–82; 2) Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953) // МИА. 1959. № 60. С. 165–166; Максимов Е. К. Позднейшие сармато-аланские погребения V–VIII веков на территории Нижнего Поволжья // Археологический сборник. Саратов, 1956. Вып. 1. С. 65–85

⁴⁹ Васюткин С. М. К вопросу об исторических судьбах сарматского населения Нижнего Поволжья // Вопросы этнической истории Волго-Донья (материалы научной конференции). Пенза, 1992. С. 19–20; Бубенок О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). Киев, 1997.

⁵⁰ Рашев Р. 1) За происхождения на прабългарите // *Studia protobulgarica et medievalia europensia*. Сборник в чест на проф. Веселин Бешевлиев. Велико Търново, 1993. С. 23–33; 2) К вопросу о происхождении праболгар // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 250–254; 3) Две групи прабългари и две прабългарски култури // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. Велико Търново, 1994. С. 29–33.

⁵¹ Рашев Р. 1) О возможности выделения самых ранних археологических памятников праболгар в степях Восточной Европы // Татарская археология. 1998. № 2 (3). С. 65–72; 2) Прабългарите през V–VII век. Велико Търново, 2000; 3) Прабългарите през V–VII век. София, 2004; 4) Праболгары на юго-западной окраине евразийской степи // Средневековая археология евразийских степей. Казань, 2007. Т. 1. С. 104–117; 5) Болгары и хазары в VII веке // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 2007. Т. 4–1. С. 23–34.

всего два (№ 30, 33б)⁵². Парадоксально, но два черепа (№ 33а и 33б) из наиболее раннего парного погребения могильника Нови Пазар № 33, синхронного горизонту Вознесенки начала VIII в. и еще сопровождавшегося в тюркской традиции двумя скелетами лошадей и луком⁵³, как раз оказались европеоидными без монголоидной примеси, наглядно иллюстрируя, что физический тип и культурные традиции — явления совершенно разного порядка.

Ингумации Болгарии VIII–X вв. принадлежали населению в активной фазе культурной, хозяйственной и языковой ассимиляции славянами. Разумеется, не стал исключением и физический тип болгар, поэтому реконструкция облика пришельцев обычно подразумевает выделение группы черепов, наиболее резко отличающихся от местных европейских типов. Суммируя имеющиеся в его распоряжении данные, П. Боев определил праболгар как метисный европеоидно-монголоидный расовый тип — так называемый «южносибирский» или «туранский» по классификации Г. Ф. Дебеца, хотя и отмечает наличие «чистых» европеоидов⁵⁴. Отличительной чертой также следует выделить искусственную деформацию черепа, преимущественно круговую двулентную; черепа с деформацией принадлежат к европеоидному типу с различной степенью монголоидной примеси⁵⁵.

Антропологических данных о восточноевропейских кочевниках второй половины VI–VII вв. пока крайне немного, причем «северопричерноморская» сводка обмеров С. И. Круц до сих пор остается неизданной. В то же время, серьезные изменения здесь произошли в отношении курганов Волго-Донского междуречья типа Соколовской балки VIII в., благодаря публикациям обмеров Е. Ф. Батиевой и М. А. Балабановой⁵⁶. Население данного региона хазарского периода VIII–IX вв. принадлежало преимущественно к монголоидному с европеоидной примесью расовому типу, который часто сочетался с характерной восточной затылочной («бешиковой») деформацией черепа. Увеличение доли монголоидного компонента среди раннесредневековых кочевников Восточной Европы, по всей видимости, соответствовало динамике «восточных волн» миграции.

В гуннское время речь шла о европеоидном или же европеоидно-монголоидном облике населения. Согласно небольшой сводке М. А. Балабановой по Нижнему Поволжью, первая постгуннская волна миграции огурских племен во второй половине V в. принесла европеидно-монголоидный тип с кольцевой деформацией (п. 11 Хошеутово); к концу VI — началу VII в. появляются монголоидно-европеоидный тип (п. 2 к. 66 Царева); в первой половине VII в. — монголоидный с очень вытянутой

⁵² *Балан М., Боев П.* Антропологични материали от некропола при Нови Пазар // Известия на Археологическия институт БАН. 1955. Кн. XX. С. 347–367.

⁵³ *Станчев С., Иванов С.* Некрополът до Нови Пазар. София, 1958. Обр.8. Табл. XI.

⁵⁴ *Боев П.* Die Rassentypen der Balkanhalbinsel und der Ostägäischen Inselwelt und deren Bedeutung für die Herkunft ihrer Bevölkerung. Sofia. 1972. S. 190–191.

⁵⁵ *Йорданов Й. А.* Антропологични данни за изкуствена деформация на черепа от некрополи от края на VII–IX в. // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 2007. Т. 4–2. С. 49–57.

⁵⁶ *Батиева Е. Ф.* Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время // Донская археология. 2002. № 3–4. С. 71–101; *Балабанова М. А.* Антропология населения Нижнего Поволжья (кон. V – 1-я пол. IX в.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2005. Т. 4. С. 55–72. — Хронологические поправки к данным работам были сделаны Е. В. Кругловым: *Круглов Е. В.* Заметки на полях некоторых статей по антропологии в свете проблем археологии хазарского времени // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2006. Вып. 6. С. 257–301.

кольцевой деформацией (п. 2 к. 3 Иловатки); а во второй половине VII в. — уже монголоидный без деформации (п. 12 к. 1 Верхнепогромного I), доминирующий позже в VIII в.⁵⁷ В Северном Причерноморье для памятников типа Суханово второй половины VI — середины VII в., содержащих наиболее близкий комплекс культурных признаков праболгарам Подунавья, и теоретически оставленных населением второй — «кутригуро-утигурской» волны миграции, неожиданно отмечен монголоидный тип с кольцевой деформацией (п. 7 к. 2 Атманай II, п. 1 к. 22 Малой Терновки (правда, лишь по предварительным данным) и п. 2 Таганского⁵⁸), что либо говорит о резком притоке монголоидного населения в процессе завоеваний Тюркского каганата, либо о гораздо более высокой роли монголоидного компонента в антропологии ранних булгар, чем предполагалось ранее.

В то же время, европеоидный с монголоидной примесью и кольцевой деформацией тип находим на Северном Кавказе в Чир-Юртском могильнике Баланджара — столицы «царства» гуннов-савиринов в Дагестане⁵⁹. По свидетельству Приска, именно савиры стали причиной миграции огузской группы племен в Европу⁶⁰, но и они вскоре разделили судьбу побежденных, также в качестве новой волны миграции уже к началу VI в. поселившись на Северном Кавказе. Во второй половине VII — первой половине VIII в. савиры выступали верными союзниками хазар, но после разгрома Баланджара арабами и ряда масштабных переселений народов внутри Хазарского каганата, в конечном счете оказались в Прикамье в составе Волжской Булгарии.

Представления о «брахикранном европеоидном» антропологическом облике булгар волжских и «салтовских» также претерпели изменения — вместо единого «зливкинского» типа в настоящее время выделяются два брахикранных типа: с большей долей монголоидности (Зливки, Ютановка, Большие Тарханы) и более выраженной европеоидностью (Волоконовка, Кайбелы), сходный с курганами Самарской Луки (тип Новинки) и венгерским Большетиганским могильником⁶¹. Совсем обособилась выборка из Правобережного Цимлянского городища, оказавшаяся наиболее монголоидной и близкой скорее подкурганам погребениям соколовского типа⁶².

Е. С. Галкина правильно уловила, что физический тип и культура булгар дунайских и волжских различаются слишком заметным образом, чтобы говорить об осколках одного этноса. Но при чем здесь сарматы?

Их причастность к булгарам можно заподозрить исключительно при чтении антропологических работ (в том числе и достаточно новых), где традиционно отмечается морфологическая схожесть европеоидного брахикранный типа «салтовских» булгар с сарматами. Небольшое уточнение — сарматами ранне- и среднесарматского

⁵⁷ Балабанова М. А. Антропология населения Нижнего Поволжья... Табл. 1.

⁵⁸ Матвеев Ю. П., Цыбин М. В. Таганский грунтовой могильник // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004. Вып. 6. С. 8.

⁵⁹ Кондукторова Т. С. Антропологическая характеристика черепов из Верхнечирюртовского могильника в Дагестане // Вопросы антропологии. 1967. Вып. 25. С. 117–129.

⁶⁰ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 4. С. 264.

⁶¹ Ефимова С. Г. Влияние миграционных процессов на формирование антропологического состава средневекового населения юга Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2005. Т. 4. С. 43–46.

⁶² Ефимова С. Г. Влияние миграционных процессов... С. 52–53; Балабанова М. А. Антропология населения Нижнего Поволжья (кон. V – 1-я пол. IX в.). С. 62–63. Рис. 6, 7.

периода. Еще 20–30 лет назад происхождение долихокранного типа раннесредневековых алан вызывало проблемы объяснения. Стадиальные изменения? Метисация с местным кавказским населением? Проблема растворилась сама собой, как только антропологи перестали смешивать в сериях черепа позднесарматского периода с более многочисленными среднесарматскими. Так, выборки из хронологически дифференцированных позднесарматских могил Волго-Донского междуречья II–III и III–IV вв. н.э. оказались полностью долихокранными, причем как в группе черепов с искусственной деформацией, так и без нее⁶³. Выразительный же приток группы долихокранного населения в этот регион фиксируется уже в среднесарматское время⁶⁴. В настоящее время вопрос схожести «зливкинского» и «сарматского» морфологических типов вызывает закономерный вопрос – в какой же точке Восточной Европы, пока не исследованной археологами, прятались эти загадочные «сарматы-брахикраны» III–VII вв., не тождественные долихокранам-аланам, до того, как «влиться» в генофонд булгар?

Проблема, очевидно, просто состоит в не совсем корректном восприятии историками данных антропологии. С. Г. Ефимова констатировала несколько неожиданную схожесть морфологического типа населения из Верхнесалтовского могильника не только ряду синхронных кавказских памятников, но и сборной серии из финно-угорских могильников бассейна Цны, угорскому Кушнаренковскому могильнику и даже группе прибалтийского населения; алан Маяцкого и Дмитриевского могильников — приуральским Варнинскому и Мыдланьшайскому могильникам, принадлежавших прапермскому населению; «салтовские» же булгары Волоконовского и Нижнелубянского могильников оказались близкими не только предположительно болгарским могильникам Поволжья, но и угорским Танкеевскому и Большетиганскому, приуральским Поломскому, Митинскому и Деменковскому могильникам. Понимая, что у неспециалистов эти выводы вызовут закономерное недоумение, исследователь специально подчеркнула, что такое сходство имеет чисто морфологический характер и совсем не обязательно связано с общим происхождением⁶⁵. Антропологический тип не тождественен этносу!

Рассматривая присутствие монголоидного компонента в раннесредневековых подкурганых погребениях, М. А. Балабанова отметила, что в хазарское время его доля оказалась даже выше, чем в золотоордынский период⁶⁶. Это не парадокс — в археологическом плане пик центральноазиатских культурных параллелей в Восточной Европе действительно приходится на памятники перещепинской культуры второй половины VII – начала VIII в., что находит объяснение через призму тюркской принадлежности правящего клана раннего Хазарского каганата⁶⁷. Не совсем «местными» выглядят в свете последних археологических исследований и «булгары-зливкинцы» Среднего Донца — комплекс их отопительных приспособо-

⁶³ Балабанова М. А. Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: Проблемы, исследование, результаты и суждения // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. 2001. Вып. 4. Табл. 1–2.

⁶⁴ Балабанова М. А. Антропологические особенности сарматов локальной группы могильников Есауловского Аксая (V в. до н.э. – I-я пол. II н.э.) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. 2006. Вып. 8. С. 110–119.

⁶⁵ Ефимова С. Г. Влияние миграционных процессов... С. 43–45. Рис. 1.

⁶⁶ Балабанова М. А. Антропология населения Нижнего Поволжья (кон. V – I-я пол. IX в.). С. 62.

⁶⁷ Комар А. В. Наследие Западнотюркского каганата в Восточной Европе. С. 288–297.

блений (печи-гандыры, сырцово-блоковые печи и горшки-манкалы), наличие рунической письменности, а также очень ранняя исламизация погребального обряда, вновь уводят нас в поисках истоков данной группы населения в Среднюю Азию⁶⁸.

Такова картина сейчас, но что нам предложит археология завтра? «Никогда не сомневайся!» — вероятно, главный принцип Е. С. Галкиной, если судить по ее письменному стилю. А ученый обязан сомневаться! Особенно, если ступает на новое для себя поле, особенно, когда имеет дело с динамичным, постоянно изменчивым знанием. Таким, как археология. Такова специфика этой науки, родственной «большому спорту» — максимум усилий, максимум самоотдачи, и не всегда удовлетворительный результат.

И. О. Гавритухин (Москва). Хотя в заглавии обсуждаемой статьи Е. С. Галкиной обозначено наукообразное «к вопросу...», автор дает однозначное решение всей огромной проблемы «о роли Великой Булгарии в этнополитической истории Восточной Европы». Оказывается, что Великая Булгарская «полития» была гигантским объединением VI–VII вв. в Северном Причерноморье и многих сопредельных землях, включающим, как минимум, «алано-сарматские», славянские, «позднегуннские» племена (то есть, по-видимому, подразумеваются все крупнейшие группы народов, что припомнились автору для юга Восточной Европы IV–VII вв., исключая германцев), которые разнесли этноним господствующей «верхушки» от Балкан до Приуралья. Точнее было бы на манер одного из сочинений И. Г. Фихте назвать статью «Ясное как солнце сообщение широкой публике ... о том, что Великая Булгария на самом деле была *Грандиозной* Булгарией».

Дело, конечно, не сводится к исправлению названия. Научная статья имеет четкую поставленную задачу, решение которой есть шаг к решению проблемы. Этот шаг может либо непосредственно заключаться в углублении понимания выбранного источника — его научной критике, превышающей уровень того, что уже сделано, либо предлагает вариант решения проблемы. Причем в исторической науке решение проблемы практически означает такое понимание явления, которое задает новый уровень критики корпуса источников. Именно прогресс в критике источников показывает то, насколько мы продвинулись в решении исторической проблемы.

Посмотрим, как обстоит дело. Письменные источники (их поверхностный обзор вперемежку с риторикой составляет около ¼ разбираемого текста) не дают оснований говорить о предложенном понимании Великой Булгарии, что очевидно и самой Е. С. Галкиной. Не выделяется эта общность ни археологически (этим данным посвящено более ½ текста), ни по другим затронутым источникам (очевидно, что антропология или нумизматика — не ключевые дисциплины для решения проблемы Великой Булгарии). Т.е. прямых свидетельств в пользу предложенного конструкта нет нигде.

⁶⁸ Обзор проблемы см.: *Красильников К. И.* Население степного Подонцовья в хазарское время // Дивногорский сборник. Воронеж, 2009. Вып. 1. С. 52–79; *Кравченко Э. Е.* Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2005. Т. 4. С. 153–171.

Что же тогда предлагается в качестве решения проблемы, которое должно все же не быть голословным? Как я понял, по мнению Е. С. Галкиной, *отсутствие оснований и критериев для выделения Великой Булгарии в предлагаемой трактовке объясняется* полиэтничностью этой «политии». Однако, полиэтничность присуща практически любому раннегосударственному (и не только) политическому образованию. Если историк позволяет себе говорить о некоем историческом объекте, хотя даже элементарная определенность этого объекта отсутствует на максимально достижимом уровне критики источника, то нужно допускать возможность такого же «хода» в отношении любого исторического явления. Подмена поиска решения проблемы *придумкой*, почему объект не фиксируется, если быть последовательным, ведет к принципиальному агностицизму. Есть, конечно, жанр «что было, хотя мы не можем это знать, если опираться на исторические источники», но он вне исторической науки.

Е. С. Галкина, тем не менее, имеет претендующее на научность решение «великобулгарской» проблемы, поэтому последовательный агностицизм или жанр «фэнтэзи» ей не подходят. Значит, работа с источниками необходима. Посмотрим, что за работа делается в отношении ряда археологических материалов. Здесь я более компетентен, и именно ими Е. С. Галкина в основном оперирует для «подтверждения» своей концепции.

Из всех групп археологических источников наибольший объем в статье Е. С. Галкиной отведен, как ни странно, пальчатым фибулам. Они фигурируют в качестве некоего аморфного явления, «первый весомый» вклад в изучение которых сделал Б. А. Рыбаков. От Е. С. Галкиной мы узнаем, что некие мигранты «полиэтнического происхождения» с Дуная, которым «не повезло в борьбе» после распада державы Аттилы, принесли эти вещи в Северное Причерноморье, откуда им «пришлось пробираться» в лесостепь и «даже» в лес. Как «символы и вещи, приносящие удачу» пальчатые фибулы стали атрибутом «людей, оставивших днепровские ямные ингумации». «Не позднее VII в.» эти люди «покинули» Поднепровье, а находки пальчатых фибул в Восточной Валахии и Крыму указывают «на пути ассимиляции этой группы». Из примечания 67, в связи с сюжетом о фибулах, мы узнаем еще, что другая часть переселенцев с Дуная ушла на юг Балтики, где тоже известна полиэтничная группировка. Завершается экскурс, связанный с фибулами, абзацем, где утверждается, что ремесленники, делавшие фибулы, не имели отношения «ни к славянам, ни к тем, кто оставил пеньковские ямные труположения» и указывается на «другую загадку пеньковской культуры» — Пастырское городище, «где открыты остатки железоделательных и гончарных мастерских, традиции которых не имеют истоков в славянском мире».

Практически все в этом конструкте (от терминов до связи суждений) оставляет лишь недоумение. Оставим честь открытия упомянутых мастерских с Пастырского на совести Е. С. Галкиной, ведь археологам они не известны. Вернемся к фибулам. Так вот, чтобы говорить о них конкретно, следует указать, о какой подгруппе, типе или серии, а может быть и варианте идет речь. На каждом из этих типологических уровней должны быть определены хронология и ареалы находок, типологические ряды и стилистический контекст. Только через эти процедуры лежит путь к использованию фибул в качестве источника для исторических реконструкций. Иначе —

будет несуразная смесь из произвольно вырванных суждений некоторых авторов и домыслов, а в итоге — слова, лишенные конкретики, вне которой нет истории. Отмечу, что чужие суждения, которые произвольно комбинируются Е. С. Галкиной, взяты из статей или книг на самые разные темы, но нет даже одной ссылки на работу, где фибулы специально анализируются на уровне современных требований!

Если уж считать источниковедческий анализ *конкретных* типов/серий фибул или хотя бы знание результатов таких работ никчемным мелкотемьем, и говорить о пальчатых фибулах как неком целом, то и тогда следует для начала ознакомиться с классической книгой Бернхарда Салина (1-е издание в 1904 г.), рядом устаревших во многих деталях, но дающих хотя бы исходное представление о предмете, циклах работ Нильса Оберга и Херберта Кюна. Затем следует ознакомиться с современной историографией, о которой Е. С. Галкиной известно (создается впечатление, что понаслышке) лишь то, что о фибулах написано много.

Я не требую, чтобы автор обобщающего сочинения специально занимался всеми группами источников. На примере с фибулами важно подчеркнуть, что профессионального историка от авторов, плодящих профанацию, отличает понимание того, как с тем или иным источником *работают специалисты*, и знакомство с важнейшей литературой, определяющей его изучение. Для того, кто работал с любой группой источников, это очевидность, вне которой невозможно отношение не только к «своим» материалам, но и к любым другим. Поэтому лучший (очень вероятно, что и единственный) способ получить профессионализм историка — осмысленный собственный опыт работы с конкретной группой источников, о чем уже шла речь.

Для любого историка, даже не только для грамотной критики источника, помимо специальных знаний, необходимо осознанное и критическое, отвечающее современному уровню, отношение к терминологии, отражающей исторические явления. Остановлюсь на термине «сарматы», которым пестрит сочинение Е. С. Галкиной. Если говорить о современном и корректном употреблении этого термина, то возможны два его значения.

Во-первых, речь может идти о народе или группе народов, имевших имя «сарматы». Чтобы писать о сарматах для VI–VII вв. следует указать на источники, где таковые фигурируют, проанализировать, не является ли такое словоупотребление там анахронизмом и т. д. Насколько мне известно, ни один историк, работающий с письменными документами как источниковед, не отважился даже ставить вопрос о сарматах как реалиях южнорусских степей для интересующего нас времени.

Второе иногда допустимое употребление термина «сарматы» — как сленгового сокращения термина «носители сарматских археологических культур». Употребление в нем слова «сарматский», конечно, неудачно, поскольку использование этнонимов в археологической номенклатуре порочно в принципе. Но термин введен давно и прижился. При этом общеизвестно, что выделяются три культуры: ранне-, средне- и позднесарматская. Каждая из них характеризуется особым набором признаков, ареалом, хронологией. Степень преемственности этих культур — специальный и непростой вопрос. Кроме того, любой археолог понимает (и это нужно отчетливо понимать всем, кто обращается к данным археологии), что соотношение археологической культуры и этноса — весьма сложная проблема, то есть любая из «сарматских» археологических культур не обязательно тождественна древнему

народу с таким именем. Если есть желание употреблять термин «сарматы» в археологическом контексте, необходимо представлять новейшие работы ведущих современных специалистов в изучении, например, позднесарматской культуры и опорные труды их предшественников. Тогда легко убедиться, что для многих групп позднесарматской культуры с трудом выделяются памятники IV в., а с V в. об этой культуре нет и речи.

Из сказанного понятно, что в тексте Е. С. Галкиной термин «сарматы» употребляется некорректно ни с одной из приемлемых для современной науки точек зрения. Фактически — за ним стоит конструкт, столь же пустой, как и домыслы, опирающиеся на рассмотренные выше апелляции к фибулам. Все суждения, где у Е. С. Галкиной фигурируют как минимум слова «фибулы» или «сарматы», не могут быть приняты во внимание при научной дискуссии на современном уровне. Нетрудно продемонстрировать, что список таких слов (следовательно, и связанных с ними суждений) может быть легко продолжен. Однако, по-моему, важно не это, а разбор на конкретных примерах тех принципиальных методологических узлов, по которым оценивается научное качество работы.

Здесь мы подходим к уже затронутому вопросу о характере цитирования работ историков. Например, утверждение о переселении на Дунай «одной из орд, входивших ранее в состав Великой Булгарии», о чем свидетельствуют аналогии памятникам круга Сивашовки в культуре «поздних авар». Про что конкретно здесь идет речь — непонятно, но дается ссылка на книгу В. В. Седова (примеч. 34). Однако, все знают Валентина Васильевича как яркого слависта, немало писавшего о балтах и многом другом. При этом, он никогда не был специалистом в изучении памятников ни азово-черноморских кочевников VI–VII вв., ни памятников, соотносимых с Аварским каганатом. Ссылка в данном случае не только компрометирует того, на кого ссылаются, но и дезориентирует читателя. Это уже вопрос не только об этике, но и о научной ответственности, тоже отличающий профессионализм. Для доказательства разбираемого в качестве примера тезиса следовало бы как минимум иметь в виду дискуссию о хронологии и атрибуции «сивашовцев», существующие работы о периодизации, хронологии и характеристике среднедунайских памятников ранне-, средне- и позднеаварского периодов. Доказав, что сивашовские памятники имеют хотя бы хронологический стык с позднеаварским периодом (по-моему — нет), следует разобрать, что за признаки считаются «аналогиями», объединяют ли эти признаки только указанные культуры, могут ли они считаться признаком миграции. Вот обоснование каждого из этих тезисов и требует ссылки на квалифицированные исследования и системно понимаемые конкретные материалы.

Другая особенность системы ссылок, отличающая тексты профессионала, — учет не произвольно подобранного суждения, а всего актуального на сегодня историографического спектра. Например, Е. С. Галкина практически игнорирует работы А. В. Комара, который (в отличие от нее) является общепризнанным специалистом по культуре кочевников эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, к тому же написавшим о проблемах, связанных с Великой Булгарией, не одну специальную работу. Трудно представить степень незнания современной литературы по избранному для научной статьи предмету, чтобы допустить незнакомство с этими работами. Вероятнее, что они игнорируются, поскольку отстаивают точку

зрения, кардинально отличающуюся от той, что предлагает Е. С. Галкина. Опровержению аргументов специалиста-оппонента, наверное, и стоит уделить внимание, но это если следовать нормальной научной практике.

Примеры неквалифицированного или искажающего (здесь неважно, по незнанию или по злому умыслу) цитирования можно по статье Е. С. Галкиной легко умножить. Причем умножить настолько, чтобы показать невозможность относиться к данному ее сочинению как к пригодному для научной дискуссии.

Стоит отметить и многочисленные ошибки или произвольные суждения. Вот некоторые примеры. В отношении Великой Булгарии утверждается, что она имела «свои источники доходов — крымские и закавказские территории Византии». Поскольку, судя по контексту, здесь идет речь о возможности грабительских походов, следует указать — когда и где великобулгарские отряды совершали нападения на указанные византийские земли. Про территорию черняховской культуры сказано, что она «была быстро оккупирована позднегуннскими племенами». Однако для таких заявлений неплохо бы знать ареал черняховской культуры (захватывающий часть Трансильвании, Волыни, Посеймья) и культуры, распространившиеся на ее территории (пражская, пеньковская, памятники гепидов и т. д.). Про пеньковскую культуру сообщается, что ее финал соотносится с выпадением «антских кладов» и гибелью Пастырского городища, «то есть уходило полиэтничное население вместе». Однако, «в одно время» не значит «вместе», а главное то, что начиная с работ О. А. Щегловой (одного из основных специалистов в этих вопросах, также игнорируемого Е. С. Галкиной) начала 1990-х гг. и ряда других исследований не вызывает сомнения, что днепровские раннесредневековые клады делятся на две группы. К первой принадлежат клады круга Мартыновского, те, что обычно называют «антскими» (правда, в современных исследованиях их приписывают не антам, а более позднему и имеющему другой ареал объединению, название которого не известно), ко второй — те, что найдены на Пастырском, и ряд других. Не вызывает сомнений, что эти группы имеют разные хронологию и этнокультурные составляющие. Список безответственных и неграмотных суждений автора легко продолжить. Сказанного же достаточно, чтобы отметить еще один критерий отличия данного сочинения от научного.

Грань между научным и околонульным сочинением не видят, к сожалению, многие из тех, кто не только интересуется историей, но и пишет тексты на исторические темы, готовит преподавателей истории для школ, иначе оказывает влияние на понимание истории. Чтобы обсуждать каждый текст, претендующий на научность, историкам пришлось бы бросить основное ремесло, что было бы неправильным. Однако, нельзя и делать вид, что не существует огромного числа псевдонаучных сочинений, произвольно деформирующих и так слабое общественное сознание. Обсуждение некоторых критериев, определяющих упомянутую грань на конкретном примере, а не дискуссия по проблеме Великой Булгарии, и является основной задачей, ради которой я принял участие в данном обсуждении (именно по этой причине я воздержался от ссылок). Что же касается конкретно Великой Булгарии, то даже по изложенным выше причинам я не считаю предложенный к обсуждению текст существенным для решения данной исторической проблемы.

Данные о статье

Дискуссия организована в рамках проекта Темплана СПбГУ, Мероприятие 7, проект: «Актуальные проблемы истории Европы: империостроительство, политогенез, межнациональные контакты и конфликты», шифр в ИАС 5.23.1108.2011.

Авторы: Вера Николаевна Залеская, доктор искусствоведения, Россия, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, vzales@hermitage.ru;

Злата Александровна Львова, Россия, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, oaves@hermitage.ru;

Сергей Борисович Сорочан, доктор исторических наук, Украина, Харьков, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Sergei.B.Sorochan@univer.kharkov.ua

Валерий Сергеевич Флёров, Россия, Москва, Институт археологии РАН, valerij-flyorov@yandex.ru;

Алексей Викторович Комар, Украина, Киев, Институт археологии НАН Украины (Киев, Украина). akomag@mail.ru;

Игорь Олегович Гавритухин, Россия, Москва, Институт археологии РАН, gavritukhin@rambler.ru

Заголовок: Дискуссия по статье Е. С. Галкиной

Резюме: В. Н. Залеская останавливается на двух положениях Е. С. Галкиной, а именно на важности болгарских миграций для различных регионов Европы и на полиэтничном характере болгар. Автор отмечает, что последний тезис важен для вопроса о том, какое влияние данный конгломерат этнических групп оказал на материальную культуру и искусство Юго-Восточной Европы. З. Н. Львова считает важным то, что Е. С. Галкина локализует Великую Булгарию Кубрата в Поднепровье и смежных территориях. Автор считает совершенно правильным представленное в статье видение политической истории Поднепровья. Отмечая, что Е. С. Галкиной удалось привлечь внимание к возможности более ранней датировки формирования болгарского племенного союза в Северном Причерноморье, С. Б. Сорочан соглашается с тезисом Е. С. Галкиной, что тюрки и авары не господствовали в данном регионе в первой половине VII в. Особое внимание уделено автором проблеме раннесредневековой Нотии Готской епархии, в которой упоминается епископия оногуров. В. С. Флёров отмечает, что проблематика пастырской керамики представлена в рассматриваемой статье некорректно. Автор заключает, что современное состояние праболгаристики уже не позволяет одному автору в равной степени ориентироваться в проблематике таких дисциплин, как источниковедение, история, археология, археологическая хронология, лингвистика и т. д. А. В. Комар уделяет особое внимание критике тезиса о том, что влияние Тюркского каганата в Северном Причерноморье было кратковременным. Доказывая обратное, автор обращается к информации китайского источника «Суй-шу», содержащего перечень подчиненных Тон-ябгу-кагану племен, который был представлен тюрками китайскому двору в 619 или 622 г. Рассматривая археологическую часть работы Е. С. Галкиной, А. В. Комар подчеркивает, что «днепровские» фибулы относятся к финальной стадии существования пальчатых фибул, то есть к середине VII – началу VIII вв. и не могут иметь отношения к «постгуннским миграциям», описываемым Е. С. Галкиной. Автор отмечает, что Е. С. Галкина права, когда замечает, что физический тип и культура дунайских и волжских болгар сильно отличаются друг от друга, что не позволяет считать их частями одной и той же популяции. Однако, давая обзор антропологических исследований последних десятилетий, автор критикует идею связывать эти физические различия с предполагаемым присутствием сарматов среди болгар. И. О. Гавритухин отмечает, что Е. С. Галкиной некорректно употребляется термин «сарматы», не соответствующий современному уровню источниковедения ее суждения о фибулах, как и представления о хронологии, ареалах, атрибуции ряда групп археологических памятников, опираясь на которые Е. С. Галкина строит доказательство своих положений. Поэтому, по мнению автора, представленный к обсуждению текст не является существенным для решения проблемы Великой Булгарии.

Ключевые слова: Великая Булгария, болгары, кутригуры, оногуры, авары, Западнотюркский каганат, Кубрат, Кувер, Пастырское городище, пальчатые фибулы.

Литература, использованная в статье:

Айбабин, Александр Ильич. Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // Хазарский альманах. Харьков, 2009. Т. 8. С. 67–82.

Атавин, Андрей Геннадьевич. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.: Материалы конференции, 14–17 ноября 1995 г. / Отв. ред. Сташенков, Дмитрий Алексеевич. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей, 1996. С. 208–264.

Атавин, Андрей Геннадьевич. Г. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Древности юга России: Памяти А. Г. Атавина / Отв. ред. Афанасьев, Геннадий Евгеньевич. Москва: ИА РАН, 2008. С. 28–70.

Бабенко, Виталий Александрович. Раннесредневековые кочевнические погребения с территории Ставрополя // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов / Отв. ред. Мужухоев, Макшариб Баудинович. Магас: Археологический центр им. Е. И. Крупнова, 2010. С. 26–28.

Балабанова, Мария Афанасьевна. Антропологические особенности сарматов локальной группы могильников Есауловского Аксая (V в. до н.э. – 1-я пол. II н.э.) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. 2006. Вып. 8. С. 110–119.

Балабанова, Мария Афанасьевна. Антропология населения Нижнего Поволжья (кон. V – 1-я пол. IX в.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл. ред. Евлевский, Антон Викторович. Донецк: ДонГУ, 2005. С. 55–72.

Балабанова, Мария Афанасьевна. Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. 2001. Вып. 4. С. 107–122.

Балан, Милко; Боев, Петър. Антропологични материали от некропола при Нови Пазар // Известия на Археологическия институт БАН. 1955. Кн. XX. С. 347–371.

Батиева, Елена Федоровна. Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время // Донская археология. 2002. № 3–4. С. 71–101.

Бешевчиев, Веселин. Прабългарски епиграфски паметници. София: Издателство на Отечествения фронт, 1981. 180 с.

Бибиков, Михаил Владимович. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. Tallinn: Eesti Raamat, 1986. Вып. 30. С. 97–105.

Бичурин, Никита Яковлевич (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 т. Т. 3. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. 335 с.

Бубенок, Олег Борисович. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). Киев: Логос, 1997. 224 с.

Васюткин С. М. К вопросу об исторических судьбах сарматского населения Нижнего Поволжья // Вопросы этнической истории Волго-Донья (материалы научной конференции). Пенза: Пензенский государственный объединенный краеведческий музей, 1992. С. 19–20.

Владимиров, Георги. Ранни българи на Волга и Новинковската култура — проблеми, хипотези, мнения // EURIKA. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovaе. София: Национален археологически институт и музей — БАН, 2009. С. 307–314.

Гавритухин, Игорь Олегович. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами // Archeologia o początkach Słowian: Materiały z konferencji, Kraków 19–21 listopada 2001 / Red. Kaczanowski, Piotr; Parczewski, Michał. Kraków, 2005. S. 405–434.

Гавритухин, Игорь Олегович. Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья / Отв. ред. Абрамов, Андрей Петрович. Москва: Б. и., 1991. С. 127–142.

Гавритухин, Игорь Олегович; Обломский, Андрей Михайлович. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Москва: ИА РАН, 1996. 298 с.

Горбаненко, Сергей Анатолійович; Журавльов, Олег Петрович; Пашкевич, Галина Олександрівна. Сільське господарство жителів Пастирського городища. Київ: Академперіодика, 2008. 188 с.

Горюнов, Евгений Алексеевич. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1981. 135 с.

Дебец, Георгий Францевич. Палеоантропология СССР. (Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. IV). Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1948. 392 с.

Дестунис, Спиридон Юрьевич. Византийские историки. Санкт-Петербург: Тип. Л. Демиса, 1860. 496 с.

Ефимова, Светлана Григорьевна. Влияние миграционных процессов на формирование антропологического состава средневекового населения юга Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл. ред. Евглевский, Антон Викторович. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 41–54.

Иванова, Ольга Владимировна. Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Дмитрия»: Постановка вопроса // Славянские древности: Этногенез. Материальная культура Древней Руси / Отв. ред. Королук, Владимир Дорофеевич. Киев: Наукова думка, 1980. С. 81–106.

Иванова, Ольга Владимировна. Чудеса св. Дмитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / Сост.: **Иванов, Сергей Аркадьевич; Литаврин, Геннадий Григорьевич; Ронин, Владимир Карлович;** Отв. ред. Литаврин, Геннадий Григорьевич. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 91–211.

Измайлов, Искандер Лерунович. Незаконнорожденные дети господ журналистов, или О навязчивом шумеро-булгаризаторстве истории татар // Звезда Поволжья. 2003. № 17–21 (169–173).

Йорданов, Йордан Алексиев. Антропологични данни за изкуствена деформация на черепа от некрополи от края на VII–IX в. // Проблеми на прабългарската история и култура. София: Национален археологически институт и музей — БАН, 2007. Т. 4–2. С. 49–57.

Комар, Алексей Викторович. «Тайны Русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е. С. Галкиной) // Ruthenica. Т. IX. Киев, 2010. С. 191–195.

Комар, Алексей Викторович. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Вып. I. Киев; Судак: Академперіодика, 2004. С. 169–193.

Комар, Алексей Викторович. Наследие Западнотюркского каганата в Восточной Европе // Дньєслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя / Відп. ред. Івакін, Глеб Юрійович. Київ: Корвінпрес, 2008. С. 288–300.

Комар, Алексей Викторович; Кубышев, Анатолий Иванович; Орлов, Руслан Сергеевич. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время / Гл. ред. Евглевский, Антон Викторович. Донецк: ДоНУ, 2006. С. 245–374.

Комар, Олексій Вікторович. «Кубрат» та «Велика Булгарія»: Проблеми джерелознавчого аналізу // Сходознавство. 2001. № 13–14. С. 133–155.

Комар, Олексій Вікторович. В. Населення степів Північного Причорномор'я VI – початку VIII ст. Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2002.

Комар, Алексей Викторович. Наследие Тюркских каганатов в Восточной Европе // Мәдени мұра — Культурное наследие. Астана, 2009. № 1. С. 100–103.

Комар, Алексей Викторович. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время / Гл. ред. Евглевский, Антон Викторович. Донецк: ДоНУ, 2006. С. 157–192.

Комар, Олексій Вікторович. В. Хозари та уйгури (нотатки до «телеської» версії походження хозар) // Надчорномор'я у IX ст. до н.е. – на початку XIX ст.: студії з історії та археології. Вип. 1 / Відп. ред. Смолій, Валерій Андрійович; Тимченко, Віктор Миколайович. Київ: Інститут історії України НАН України, 2007. С. 107–123.

Кондукторова, Тамара Сергеевна. Антропологическая характеристика черепов из Верхнечирютовского могильника в Дагестане // Вопросы антропологии. 1967. Вып. 25. С. 117–129.

Кореняко, Владимир Александрович. Этические проблемы и кризисные явления в археологии // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова): Сб. статей / Ред. и сост. Гуляев, Валерий Иванович; Кузьминых, Сергей Владимирович. Москва: ИА РАН, 2004. С. 36–47.

Кравченко, Эдуард Евгеньевич. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл. ред. Евглевский, Антон Викторович. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 153–171.

Красильников, Константин Иванович. Население степного Подонцовья в хазарское время // Дивногорский сборник. Воронеж, 2009. Вып. 1. С. 52–79.

Круглов, Евгений Викторович. Заметки на полях некоторых статей по антропологии в свете проблем археологии хазарского времени // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2006. Вып. 6. С. 257–301.

Латышев, Василий Васильевич. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948. № 4. С. 223–298.

Львова, Злата Александровна. «Гази-Барадж тарихы»: Вопрос о подлинности летописи // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. № 36: Материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти Анастасии Петровны Манцевич посвящается. Санкт-Петербург, 2003. С. 134–141.

Львова, Злата Александровна. Некоторые данные летописи «Гази-Барадж тарихы» о народах и государствах Восточной Европы IX в. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. № 37: Материалы и исследования по археологии Евразии. Санкт-Петербург, 2005. С. 144–155.

Любичев, Михайло Васильович. Пеньківська культура Дніпро-Донецького межиріччя: Дис. ... канд. іст. наук. Харків, 1994.

Майко, Вадим Владиславович. Этнокультурные связи Крыма с Поднепровьем и Северным Кавказом в VII–X вв. Дис. ... канд. ист. наук. Київ, 1997.

Максимов, Евгений Константинович. Позднейшие сармато-аланские погребения V–VIII веков на территории Нижнего Поволжья // Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1956. Вып. 1. С. 65–85.

Малявкин, Анатолий Гаврилович. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1989. 431 с.

Матвеев, Юрий Петрович; Цыбин, Михаил Владимирович. Таганский грунтовой могильник. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. (Археологические памятники Донского бассейна. Вып. 6). 78 с.

Науменко, Валерий Евгеньевич. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX в. // Проблемы истории, филологии и культуры. Москва; Магнитогорск, 2002. Вып. 12. С. 551–554.

Науменко, Валерий Евгеньевич. Notitia К. де Бора как источник по церковно-политическим контактам Византии и Хазарского каганата в середине IX в. // Церковная археология Южной Руси: Сборник материалов международной конференции «Церковная археология: Проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 10–12 октября 2001 г.). Симферополь, 2002. С. 130–134.

Науменко, Валерий Евгеньевич. К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // Хазарский альманах. Киев; Харьков; Москва: Мосты культуры, 2004. Т. 2. С. 52–76.

Науменко, Валерий Евгеньевич. Церковная география Таврики в VII–IX вв. по данным *Notitiae Episcopatium* // Крымский архив. 1999. № 5. С. 12–18.

Патканов, Керопэ Петрович. Из нового списка армянской географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Март. С. 21–32.

Плетнева, Светлана Александровна. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XVIII века): Учебное пособие. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2003. 247 с.

Приходнюк, Олег Михайлович. Археологічні пам'ятки Середнього Подніпров'я VI–IX ст. Київ: Наукова думка, 1980. 152 с.

Приходнюк, Олег Михайлович. Пастирське городище. Київ; Чернівці: Зелена Буковина, 2005. 244 с.

Приходнюк, Олег Михайлович. Пеньковская культура: Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1998. 170 с.

Приходнюк, Олег Михайлович. Слов'яни на Поділлі (VI–VII ст. н. е.). Київ: Наукова думка, 1975. 154 с.

Приходнюк, Олег Михайлович. М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ; Чернівці: Прут, 2001. 284 с.

Рашиев, Рашио. Болгары и хазары в VII веке // Проблемы на прабългарската история и култура. София Национален археологически институт и музей — БАН, 2007. Т. 4–1. С. 23–34.

Рашиев, Рашио. Две группы прабългари и две прабългарски култури // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. Велико Търново: ИУ «Св. Св. Кирилл и Методий», 1994. С. 29–33.

Рашиев, Рашо. За происхождения на прабългарите // *Studia protobulgarica et medievalia europensia*: Сборник в чест на проф. Веселин Бешевлиев. Велико Търново: ИУ «Св. Св. Кирилл и Методий», 1993. С. 23–33.

Рашиев, Рашо. К вопросу о происхождении праболгар // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 250–254.

Рашиев, Рашо. О возможности выделения самых ранних археологических памятников праболгар в степях Восточной Европы // *Татарская археология*. 1998. № 2 (3). С. 65–72.

Рашиев, Рашо. Праболгары на юго-западной окраине евразийской степи // *Средневековая археология евразийских степей*. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I. Серия «Археология евразийских степей». Вып. 1 / Отв. ред. Хузин, Фаяз Шарипович. Казань: Институт истории Академии наук Республики Татарстан, 2007. С. 104–117.

Рашиев, Рашо. Прабългарите през V–VII век. Велико Търново: Издателство «Хабер», 2000. 192 с.

Рашиев, Рашо. Прабългарите през V–VII век. Второ допълнено издание. София: Фабер, 2004. 348 с.

Рашиев, Рашо. Этнический аспект материальной культуры Первого Болгарского царства // *Finno-Ugrica*. 2008. № 11. С. 80–92.

Русанова, Ирина Петровна. Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. Москва: Наука, 1976. 216 с.

Рутковская, Лукерия Маркиановна. История племен степного Поднепровья в середине I тысячелетия нашей эры: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 1986.

Рыков, Павел Сергеевич. Позднесарматское погребение в кургане близ с. Зиновьевки, Саратовской губернии. [Петровск]: Тип. Сарполиграфпрома в Петровске, 1929. 4 с.

Седов, Валентин Васильевич. Происхождение и ранняя история славян. Москва: Наука, 1979. 156 с.

Седов, Валентин Васильевич. Славяне в раннем средневековье. Москва: Научно-производственное благотворительное общество «Фонд археологии», 1995. 415 с.

Седов, Васильевич Васильевич. Славяне: Историко-археологическое исследование. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 624 с.

Синицын, Иван Васильевич. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953) // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1959. № 60. С. 39–205.

Синицын, Иван Васильевич. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // *Известия Нижневожского Саратовского института краеведения им. М. Горького*. Саратов, 1936. Т. VII. С. 71–87.

Синиця, Євген Валентинович. Ранньосередньовічні інгумації у ареалі пенківської культури // *Vita Antiqua*. Київ, 1999. № 2. С. 98–109.

Скиба, Андрій Володимирович. Взаємовідносини слов'ян та кочовиків Південно-Східної Європи у 6–7 ст. (культурно-політичний аспект): Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2007.

Сміленко, Алла Трохимівна. Глодоські скарби. Київ: Наукова думка, 1965. 83 с.

Сорочан, Сергей Борисович. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. Харьков: Майдан, 2005. 1648 с.

Сорочан, Сергей Борисович. К вопросу о юго-западных пространственных пределах Хазарского каганата в VII в. // *Восточная Европа в древности и средневековье: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе: XVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто* (Москва, 17–19 апреля 2006 г.). Москва: ИВИ РАН, 2006. С. 174–178.

Станчев, Станчо; Иванов, Стефан. Некрополът до Нови Пазар. София: Издателство на Българската академия на науките, 1958. 229 с.

Сухобоков, Олег Васильевич. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ: Наукова думка, 1992. 216 с.

Сухобоков, Олег Васильевич. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев: Наукова думка, 1975. 167 с.

Терпиловский, Ростислав Всеволодович. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. (Monumenta Studia Gothica. III). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. 232 с.

Формозов, Александр Александрович. О критике источников в археологии // *Советская археология*. 1977. № 1. С. 8–14.

Хрисимов, Николай. Вознесенский комплекс: Проблемы хронологии и интерпретации // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 7 / Гл. ред. Евглевский, Антон Викторович. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 9–42.

Чичуров, Игорь Сергеевич. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. Москва: Наука, 1980. 215 с.

Шер, Яков Абрамович. Некоторые вопросы археологического образования // Археология, этнография и музейное дело: Сб. научных трудов кафедры археологии Кемеровского государственного университета / Ред. Бобров, Владимир Васильевич. Кемерово: Б. и., 1999. С. 13–20.

Aibabin, Alexander. Early Khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. par Zuckerman, Constantin. Paris: Association des amis du Centre d'histoire et civilization de Byzance, 2006. P. 31–65.

Beševliev, Veselin. Die protobulgarischen Inschriften. Berlin: Akademie Verlag, 1963. 361 s.

Blockley, Roger C. The history of Menander the Guardsman. Liverpool: Francis Cairns Publications, 1985. 320 p.

Boev, Peter. Die Rassentypen der Balkanhalbinsel und der Ostägäischen Inselwelt und deren Bedeutung für die Herkunft ihrer Bevölkerung. Sofia: Bulgarische Akademie der Wissenschaften, 1972. 269 s.

Chavannes, Édouard. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve, 1903. 380 p.

Darrouzès, Jean. Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critique, introduction et notes. Paris: Institut Français d'études Byzantines, 1981. 521 p.

De Boor, Carl. Nachträge zu den Notitiae episcopatum. I // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Gotha, 1891. Bd. 12. S. 303–326, 519–534.

De Boor, Carl. Nachträge zu den Notitiae episcopatum. I // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Gotha, 1893. Bd. 14. S. 573–599.

Golden, Peter B. An introduction to the history of the Turkic peoples: Ethnogenesis and state-formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 483 p.

Hewsen, Robert H. The Geography of Ananias of Širak. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 1992. 467 p.

Hirth, Friedrich. China and the Roman Orient: Researches into their ancient and mediaeval relations as represented in Old Chinese records. Shanghai: Kelly & Wallsh, 1885. 329 p.

Lemerle, Paul. La composition et la chronologie des deux premiers livres des Miracula S. Demetrii // Byzantinische Zeitschrift. 1953. Bd. 46. S. 349–361.

Lin Ying. Some Chinese sources on the Khazars and Khwarazm // Archivum Eurasiae Medii aevi. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2001. Bd. 11. P. 339–364.

Lin Ying. Western Turks and Byzantine gold coins found in China // Transoxiana. 2003. № 6. Режим доступа: http://www.transoxiana.org/0106/lin-ying_turks_solidus.html (последнее посещение — 29.06.2011).

Setton, Kenneth M. The Bulgars in the Balkans and the Occupation of Corinth in the Seventh Century // Speculum. 1950. Vol. 25. P. 502–543.

Zacos, George; Vegler, Alexander. Byzantine lead seals. Vol. I. Basel: J. J. Augustin, 1972. 1965 s.

Information about the article:

The organizers of discussion acknowledge Saint-Petersburg State University for a research grant № 5.23.1108.2011.

Authors: Zalesskaya, Vera Nikolayevna, Doctor of the History of Art, Russia, St.-Petersburg,

The State Hermitage, vzales@hermitage.ru;

L'vova, Zlata Aleksandrovna, Russia, St-Petersburg, The State Hermitage, oaves@hermitage.ru;

Sorochan, Sergei Borisovich, Doctor of Historical Science, Ukraine, Kharkiv, Kharkiv National University, Sergei.B.Sorochan@univer.kharkov.ua;

Flyorov, Valery Sergeievich, Russia, Moscow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, valerij-flyorov@yandex.ru;

Komar, Alexei Viktorovich, Ukraine, Kiev, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, akomar@mail.ru;

Gavritukhin, Igor' Olegovich, Ph. D. in History, Russia, Moscow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, gavritukhin@rambler.ru

Title: Discussion on Yelena S. Galkina's paper

Abstract: Zalesskaya dwells on two statements of Galkina, namely, of the importance of the Bulgars' migrations to various regions of Europe and of multi-ethnic character of the Bulgars. The author notes that the latter thesis is important for the question of how this conglomerate of ethnic groups influenced material culture and art in Southeast Europe. L'vova considers it important that Galkina places Kubrat's Great Bulgaria in the Dnieper region and adjacent territories. The author considers Galkina's vision of political history of the Dnieper region to be absolutely correct. While noting that Galkina managed to draw attention to the opportunity of the earlier dating of the formation of the Bulgar tribal confederation in the Black Sea Coast, Sorochan agrees with Galkina that Türks and Avars did not dominate in this region in the first half of the 7th century. The author pays special attention to the early medieval *Notitia* of Gothic diocese in which the bishopric of *Onogurion* is mentioned. Flyorov notes that the problem of the Pastyrskye hillfort pottery is incorrectly presented in the article under discussion. The author concludes that the development of modern Proto-Bulgarian studies does not allow one author come to know equally the particulars of problems and methods of such different disciplines as source studies, history, archeology and archeological chronology, linguistics, etc. Komar pays special attention to the criticism of the thesis that influence of the Türks in Northern Black Sea Coast was short-term. The author refers to the information of the Chinese source «Sui-shu» (629-636) which contains a list of tribes subjected to Tung-yabghu-qagan presented by the Türks to the Chinese court in 619 or 622. While discussing the archeological part of Galkina's work, Komar concludes that «Dnieper» fibulae belong to the final stage of the existence of bow fibulae, namely to the middle 7th to the beginning of the 8th centuries, and cannot have the relation to any «post-Hunnic migrations» discussed by Galkina. Komar notes that Galkina is correct when noticing that the physical type and culture of the Danube and Volga Bulgars differ greatly from each other and it doesn't allow us to treat them as parts of the same population. However, while giving a survey of anthropological studies of the last several decades, the author criticizes the idea of linking this physical difference with the suggested presence of the Sarmatians among the Bulgars. Gavritukhin admits that in Galkina's article the term «Sarmatians» is used incorrectly, and the theses on fibulae, as well as the notion of the chronology and attribution of some groups of archaeological monuments presented in the article as the basis for the author's conclusions, do not correspond to the current level of source criticism. Therefore, the author does not consider the text offered to discussion to be essential for the decision of the problem of Great Bulgaria.

Key words: Great Bulgaria, Bulgars, Cutrigurs, Onogurs, Avars, Western Türkic qaganate, Kubrat, Kuver, Pastyrskye hillfort, bow fibulae.

References (Transliteration):

Aibabin, Alexander Il'ich. Early Khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar* / Ed. par Zuckerman, Constantin. Paris: Association des amis du Centre d'histoire et civilization de Byzance, 2006. P. 31–65.

Ajbabin, Aleksandr Il'ich. Rannie hazarskie arheologicheskie pamjatniki v Severnom Prichernomor'e // *Hazarskij al'manah.* Har'kov, 2009. T. 8. S. 67–82.

Atavin, Andrej Gennad'evich. G. Pogrebenija VII – nachala VIII vv. iz Vostochnogo Priazov'ja // *Drevnosti juga Rossii: Pamjati A. G. Atavina* / Otv. red. Afanas'ev, Gennadij Ev-gen'evich. Moskva: IA RAN, 2008. S. 28–70.

Atavin, Andrej Gennad'evich. Pogrebenija VII – nachala VIII vv. iz Vostochnogo Priazov'ja // *Kul'tury Evrazijskikh stepej vtoroj poloviny I tysjacheletija n.je. Materialy konferencii, 14–17 nojabrja 1995 g.* / Otv. red. Stashenkov, Dmitrij Alekseevich. Samara: Samarskij oblastnoj istoriko-kraevedcheskij muzej, 1996. S. 208–264.

Babenko, Vitalij Aleksandrovich. Rannesrednevekovye kochevnicheskie pogrebenija s territorii Stavropol'ja // *Problemy hronologii i periodizacii arheologicheskikh pamjatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza. XXVI «Krupnovskie chtenija» po arheologii Severnogo Kavkaza. Tezisy dokladov* / Otv. red. Muzhuhoev, Maksharib Baudinovich. Magas: Arheologicheskij centr im. E. I. Krupnova, 2010. S. 26–28.

Balabanova, Marija Afanas'evna. Obyčaj iskusstvennoj deformacii golovy u pozdnih sarmatov: problemy, issledovanija, rezul'taty i suzhdenija // Nizhnevolzhskij arheologi-cheskij vestnik. Volgograd. 2001. Vyp. 4. S. 107–122.

Balabanova, Marija Afanas'evna. Antropologicheskie osobennosti sarmatov lokal'noj grupy mogil'nikov Esaulovskogo Aksaja (V v. do n.je. – 1-ja pol. II n.je.) // Nizhnevolzhskij arheologičeskij vestnik. Volgograd. 2006. Vyp. 8. S. 110–119.

Balabanova, Marija Afanas'evna. Antropologija naselenija Nizhnego Povolzh'ja (kon. V – 1-ja pol. IX v.) // Stepi Evropy v jepohu srednevekov'ja. T. 4. Hazarskoe vremja / Gl. red. Evglevskij, Anton Viktorovich. Doneck: DonNU, 2005. S. 55–72.

Balan, Milko; Boev, Peter. Antropologični materiali ot nekropola pri Novi Pazar // Izvestija na Arheologičeskija institut BAN. 1955. Kn. XX. S. 347–371.

Batieva, Elena Fedorovna. Antropologija naselenija Nizhnego Podon'ja v hazarskoe vremja // Donskaja arheologija. 2002. № 3–4. S. 71–101.

Beševliev, Veselin. Die protobulgarischen Inschriften. Berlin: Akademie Verlag, 1963. 361 s.

Beshevliev, Veselin. Prabulgarski epigrafski pametnici. Sofija: Izdatelstvo na Oteče-stvenija front, 1981. 180 s.

Bibikov, Mihail Vadimovich. Skandinavskij mir v vizantijskoj literature i aktah // Skandinavskij sbornik. Tallinn: Eesti Raamat, 1986. Vyp. 30. S. 97–105.

Bichurin, Nikita Jakovlevič (Iakinf). Sobranie svedenij o narodah, obitavših v Srednej Azii v drevnje vremena. V 3 t. T. 3. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 335 s.

Blockley, Roger C. The history of Menander the Guardsman. Liverpool: Francis Cairns Publications, 1985. 320 p.

Boev, Peter. Die Rassentypen der Balkanhalbinsel und der Ostägäischen Inselwelt und deren Bedeutung für die Herkunft ihrer Bevölkerung. Sofia: Bulgarische Akademie der Wissenschaften, 1972. 269 s.

Bubenok, Oleg Borisovich. Jasy i brodniki v stepjah Vostočnoj Evropy (VI – nachalo XIII vv.). Kiev: Logos, 1997. 224 s.

Chavannes, Édouard. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve, 1903. 380 p.

Chichurov, Igor' Sergeevič. Vizantijskie istoričeskie sočinenija: «Hronografija» Feofana, «Breviarij» Nikifora. Teksty, perevod, komentarij. Moskva: Nauka, 1980. 215 s.

Darrouzès, Jean. Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critique, introduction et notes. Paris: Institut Français d'études Byzantines, 1981. 521 p.

De Boor, Carl. Nachträge zu den Notitiae episcopatum. I // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Gotha, 1891. Bd. 12. S. 303–326, 519–534.

De Boor, Carl. Nachträge zu den Notitiae episcopatum. I // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Gotha, 1893. Bd. 14. S. 573–599.

Debec, Georgij Francevič. Paleoantropologija SSSR. (Trudy Instituta jetnografii AN SSSR. Novaja serija. T. IV). Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1948. 392 s.

Destunis, Spiridon Ur'evič. Vizantijskie istoriki. Sankt-Peterburg: Tip. L. Demisa, 1860. 496 s.

Efimova, Svetlana Grigor'evna. Vlijanie migracionnyh processov na formirovanie antropologičeskogo sostava srednevekovogo naselenija juga Vostočnoj Evropy // Stepi Evropy v jepohu srednevekov'ja. T. 4. Hazarskoe vremja / Gl. red. Evglevskij, Anton Viktorovich. Doneck: DonNU, 2005. S. 41–54.

Formozov, Aleksandr Aleksandrovich. O kritike istočnikov v arheologii // Sovetskaja arheologija. 1977. № 1. S. 8–14.

Gavrituhin, Igor' Olegovič. Kompleksy prazhskoj kul'tury s datirujuimi vevami // Archeologia o początkach Słowian: Materiały z konferencji, Kraków 19–21 listopada 2001 / Red. Kaczanowski, Piotr; Parczewski, Michał. Kraków, 2005. S. 405–434.

Gavrituhin, Igor' Olegovič. Pal'chatye fibuly prazhskih pamjatnikov Podnestrov'ja // Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ja / Otv. red. Abramov, Andrej Petrovich. Moskva: B. i., 1991. S. 127–142.

Gavrituhin, Igor' Olegovič; Oblomskij, Andrej Mihajlovič. Gaponovskij klad i ego kul'turno-istoričeskij kontekst. Moskva: IA RAN, 1996. 298 s.

Golden, Peter. An introduction to the history of the Turkic peoples: Ethnogenesis and state-formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 483 p.

Горбаненко, Сергий Анатолійович; Жұравл'ов, Олег Петрович; Пашкевич, Галіна Олександрівна. Сіл'с'ке господарство жителів Пастірського городища. Київ: Академперіодика, 2008. 188 s.

Горjunов, Евгений Алексеевич. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1981. 135 s.

Hewsen, Robert. The Geography of Ananias of Širak. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 1992. 467 p.

Hirth, Friedrich. China and the Roman Orient: Researches into their ancient and mediaeval relations as represented in Old Chinese records. Shanghai: Kelly & Wallsh, 1885. 329 p.

Hrisimov, Nikolaj. Вознесенский комплекс: проблемы хронологии и интерпретации // Степи Европы в яепоху Средневековья. Т. 7 / Гл. ред. ЕGGLEVSKIJ, Антон Викторович. Doneck: DonNU, 2005. S. 9–42.

Ivanova, Ol'ga Vladimirovna. Чудеса св. Дмитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / Составители: Иванов, Сергей Аркадьевич; Литаврин, Геннадий Григорьевич; Ронин, Владимир Карлович; Отв. ред. Литаврин, Геннадий Григорьевич. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 91–211.

Ivanova, Ol'ga Vladimirovna. Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Дмитрия». Постановка вопроса // Славянские древности: этногенез: материал'ная культура Древней Руси / Отв. ред. Корольчук, Владимир Дорфеевич. Киев: Наукова думка, 1980. S. 81–106.

Izmajlov, Iskander Lerunovich. Незаконнорожденные дети господ журналистов, или О навязчивом шумеро-булгаризаторстве истории татар // Звезда Поволжья. 2003. № 17–21 (169–173).

Jordanov, Jordan Aleksiev. Антропологични данни за изкуствена деформация на черепа от некрополи от края на VII–IX в. // Проблеми на прабългарската история и култура. София: Национален археологически институт и музей — БАН, 2007. Т. 4–2. S. 49–57.

Komar, Aleksej Viktorovich. «Тайны Русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е. С. Галкиной) // Ruthenica. Т. IX. Киев, 2010. S. 191–195.

Komar, Aleksej Viktorovich. Курганы и утргы в Северном Причерноморье // Сугдеjsкий сборник. Вып. I. Киев; Судак: Академперіодика, 2004. S. 169–193.

Komar, Aleksej Viktorovich. Наследие Тюркских каганатов в Восточной Европе // Мәдени мұра — Күл'turnoe nasledie. Astana, 2009. № 1. S. 100–103.

Komar, Aleksej Viktorovich. Наследие Западнотюркского каганата в Восточной Европе // Д'неслово: Збирка праць на пошану дієсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка за нагоди його 70-річчя / Відп. ред. Івакін, Глеб Юрійович. Київ: Корвінпрес, 2008. S. 288–300.

Komar, Aleksej Viktorovich. Перевепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в яепоху средневековья. Т. 5. Хазарское время / Гл. ред. ЕGGLEVSKIJ, Антон Викторович Doneck: DoNU, 2006. S. 157–192.

Komar, Aleksej Viktorovich; Kubyshchev, Anatolij Ivanovich; Orlov, Ruslan Sergeevich. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в яепоху средневековья. Т. 5. Хазарское время / Гл. ред. ЕGGLEVSKIJ, Антон Викторович Doneck: DoNU, 2006. S. 245–374.

Komar, Olesij Viktorovich. «Kubrat» та «Велика Булгарія»: проблеми джерелознавчого аналізу // Шодознавство. 2001. № 13–14. S. 133–155.

Komar, Olesij Viktorovich. Хозари та угури (notatki do «teles'koї» versii pohod-zhennja hozar) // Надчорномор'я у IX ст. до н.е. – на початку XIX ст.: студії з історії та археології. Вип. 1 / Відп. ред. Смолій, Валерій Андрійович; Тимченко, Віктор Миколайович. Київ: Інститут історії України NAN України, 2007. S. 107–123.

Komar, Olesij Viktorovich. Населення степів Північного Причорномор'я VI – початку VIII ст. Дис. канд. іст. наук. Київ, 2002.

Konduktorova, Tamara Sergeevna. Антропологическая характеристика черепов из Верхнечирчуртовского могильника в Дагестане // Вопросы антропологии. 1967. Вып. 25. S. 117–129.

Korenjako, Vladimir Aleksandrovich. Иетические проблемы и кризисные явления в археологии. // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова): Сб. статей / Ред. и сост. Гулжаев, Валерий Иванович; Кузьминых, Сергей Владимирович. Москва: ИА РАН, 2004. S. 36–47.

Krasil'nikov, Konstantin Ivanovich. Naselenie stepnogo Podoncov'ja v hazarskoe vremja // Divnogorskij sbornik. Voronezh, 2009. Vyp. 1. S. 52–79.

Kravchenko, Jeduard Evgen'evich. Musul'manskoe naselenie srednego techenija Severskogo Donca i rasprostranenie islama v Vostochnoj Evrope v hazarskoe vremja // Stepi Evropy v jepohu srednevekov'ja. T. 4. Hazarskoe vremja / Gl. red. Evglevskij, Anton Viktorovich. Doneck: DonNU, 2005. S. 153–171.

Kruglov, Evgenij Viktorovich. Zametki na poljah nekotoryh statej po antropologii v svete problem arheologii hazarskogo vremeni // Nizhnevolskij arheologicheskij vestnik. Volgograd, 2006. Vyp. 6. S. 257–301.

Latyshev, Vasilij Vasil'evich. Izvestija drevnih pisatelej o Skifii i Kavkaze // Vestnik drevnej istorii. 1948. № 4. S. 223–298.

Lemerle, Paul. La composition et la chronologie des deux premiers livres des Miracula S. Demetrii // Byzantinische Zeitschrift. 1953. Bd. 46. S. 349–361.

Lin Ying. Some Chinese sources on the Khazars and Khwarazm // Archivum Eurasiae Medii aevi. Wisbaden: Otto Harrassowitz, 2001. Bd. 11. R. 339–364.

Lin Ying. Western Turks and Byzantine gold coins found in China // Transoxiana. 2003. № 6. http://www.transoxiana.org/0106/lin-ying_turks_solidus.html (poslednee posevenie – 29.06.2011).

Ljubichev, Mihajlo Vasil'ovich. Pen'kivs'ka kul'tura Dnipro-Donec'kogo mezhirichchja: Dis. ... kand. ist. nauk. Harkiv, 1994.

L'vova, Zlata Aleksandrovna. «Gazi-Baradzh tarihy». Vopros o podlinnosti letopisi // Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Jermitazha. № 36. Materialy i issle-dovanija po arheologii Evrazii. Pamjati Anastasii Petrovny Mancevich posvjawaetsja. Sankt-Peterburg, 2003. S. 134–141.

L'vova, Zlata Aleksandrovna. Nekotorye dannye letopisi «Gazi-Baradzh tarihy» o na-rodah i gosudarstvah Vostochnoj Evropy IX v. // Arheologicheskij sbornik Gosudarstven-nogo Jermitazha. № 37. Materialy i issledovanija po arheologii Evrazii. Sankt-Peterburg, 2005. S. 144–155.

Majko, Vadim Vladislavovich. Jetnokul'turnye svjazi Kryma s Podneprov'em i Severnym Kavkazom v VII–H vv.: Dis. ... kand. ist. nauk. Kiiv, 1997.

Maksimov, Evgenij Konstantinovich. Pozdnejshie sarmato-alanskije pogrebenija V–VIII vekov na territorii Nizhnego Povolzh'ja // Trudy Saratovskogo oblastnogo muzeja kraeve-denija. Saratov, 1956. Vyp. 1. S. 65–85.

Maljavkin, Anatolij Gavrilovich. Tanskije hroniki o gosudarstvah Central'noj Azii. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1989. 431 s.

Matveev, Jurij Petrovich; Cybin, Mihail Vladimirovich. Taganskij gruntovoj mogil'nik. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2004. (Arheologicheskie pamjatniki Donskogo bassejna. Vyp. 6). 78 s.

Naumenko, Valerij Evgen'evich. K voprosu o haraktere vizantijsko-hazarskikh odnosenij v konce VIII – seredine IX v. // Problemy istorii, filologii i kul'tury. Moskva; Magnitogorsk, 2002. Vyp. 12. S. 551–554.

Naumenko, Valerij Evgen'evich. Cerkovnaja geografija Tavriki v VII–IX vv. po dannym Notitiae Episcopatum // Krymskij arhiv. 1999. № 5. S. 12–18.

Naumenko, Valerij Evgen'evich. K voprosu o vremeni i obstojatel'stvah obrazovanija Hazarskogo kaganata // Hazarskij al'manah. Kiev; Har'kov; Moskva: Mosty kul'tury, 2004. T. 2. S. 52–76.

Naumenko, Valerij Evgen'evich. Notitia K. de Bora kak istochnik po cerkovno-politicheskim kontaktam Vizantii i Hazarskogo kaganata v seredine IX v. // Cerkovnaja arheologija Juzhnoj Rusi. Sbornik materialov mezhdunarodnoj konferencii «Cerkovnaja arheologija: problemy, poiski, otkrytija» (Sevastopol', 10–12 oktjabrja 2001 g.). Simferopol', 2002. S. 130–134.

Patkanov, Keropje Petrovich. Iz novogo spiska armjanskoj geografii, pripisyaemoj Moiseju Horenskomu // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvewenija. 1883. Mart. S. 21–32.

Pletneva, Svetlana Aleksandrovna. Kochevniki juzhnorusskikh stepej v jepohu srednevekov'ja (IV – XVIII veka): Uchebnoe posobie. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003. 247 s.

Prihodnjuk, Oleg Mihajlovich. Arheologichni pam'jatki Seredn'ogo Podniprova VI – IX st. Kiiv: Naukova dumka, 1980. 152 s.

- Prihodnjuk, Oleg Mihajlovich.* Stepove naselennja Ukraïni ta shidni slov'jani (druga polovina I tis. n. e.). Kiïv; Chernivci: Prut, 2001. 284 s.
- Prihodnjuk, Oleg Mihajlovich.* Pastirs'ke gorodiwe. Kiïv; Chernivci: Zelena Bukovina, 2005. 244 s.
- Prihodnjuk, Oleg Mihajlovich.* Pen'kovskaja kul'tura: kul'turno-hronologicheskij aspekt issledovanija. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 1998. 170 s.
- Prihodnjuk, Oleg Mihajlovich.* Slov'jani na Podilli (VI–VII st. n. e.). Kiïv: Naukova dumka, 1975. 154 s.
- Rashev, Rasho.* Bolgary i hazary v VII veke // Problemi na prab'lgarskata istorija i kultura. Sofija Nacionalen arheologicheskij institut i muzej — BAN, 2007. T. 4–1. S. 23–34.
- Rashev, Rasho.* Dve grupi prab'lgari i dve prabulgarski kulturi // Sbornik v pamet na prof. Stancho Vakinov. Veliko Turnovo: IU «Sv. Sv. Kirill i Metodij», 1994. S. 29–33.
- Rashev, Rasho.* Jetnicheskij aspekt material'noj kul'tury Pervogo Bolgarskogo carstva // Finno-Ugrica. 2008. № 11. S. 80–92.
- Rashev, Rasho.* K voprosu o proishozhdenii prabolgar // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. Simferopol', 1993. Vyp. III. S. 250–254.
- Rashev, Rasho.* O vozmozhnosti vydelenija samyh rannih arheologicheskikh pamjatnikov prabolgar v stepjah Vostochnoj Evropy // Tatarskaja arheologija. 1998. № 2 (3). S. 65–72.
- Rashev, Rasho.* Prabelgarite prez V–VII vek. Veliko Tyrnovo: Izdatelstvo «Haber», 2000. 192 s.
- Rashev, Rasho.* Prabelgarite prez V–VII vek. Vtoro dopylno izdanie. Sofija: Faber, 2004. 348 s.
- Rashev, Rasho.* Prabolgary na jugo-zapadnoj okraïne evrazijskoj stepi // Srednevekovaja arheologija evrazijskih stepej. Materialy Uchreditel'nogo s'ezda Mezhdunarodnogo kongressa. T. I. Serija «Arheologija evrazijskih stepej». Vyp. 1 / Otv. red. Huzin, Fajaz Sharipovich. Kazan': Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2007. S. 104–117.
- Rashev, Rasho.* Za proishoda na prab'lgarite // Studia protobulgarica et medievalia europensia. Sbornik v pamet na prof. Veselin Beshevliev. Veliko T'rnovo: IU «Sv. Sv. Kirill i Metodij», 1993. S. 23–33.
- Rusanova, Irina Petrovna.* Slavjanskije drevnosti VI–VII vv. Kul'tura prazhskogo tipa. Moskva: Nauka, 1976. 216 s.
- Rutkovskaja, Lukerija Markianovna.* Istorija plemen stepnogo Podneprov'ja v seredine I tysjacheletija nashej jery. Avtoref. dis. d.i.n. Moskva, 1986.
- Rykov, Pavel Sergeevich.* Pozdnesarmatskoe pogrebenie v kurgane bliz s. Zinov'evki, Saratovskoj gubernii. [Petrovsk]: Tip. Sarpoligrafproma v Petrovske, 1929. 4 s.
- Sedov, Valentin Vasil'evich.* Proishozhdenie i rannjaja istorija slavian. Moskva: Nauka, 1979. 156 s.
- Sedov, Valentin Vasil'evich.* Slavjane v rannem srednevekov'e. Moskva: Nauchno-proizvodstvennoe blagotvoritel'noe obschestvo «Fond arheologii», 1995. 415 s.
- Sedov, Vasil'evich Vasil'evich.* Slavjane: Istoriko-arheologicheskoe issledovanie. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 624 s.
- Setton, Kenneth.* The Bulgars in the Balkans and the Occupation of Corinth in the Seventh Century // Speculum. 1950. Vol. 25. P. 502–543.
- Sher, Jakov Abramovich.* Nekotorye voprosy arheologicheskogo obrazovanija // Arheologija, etnografija i muzejnoe delo: Sb. nauchnyh trudov kafedry arheologii Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta / Red. Bobrov, Vladimir Vasil'evich. Kemerovo: B. i., 1999. S. 13–20.
- Sinicja, Evgen Valentinovich.* Rann'oseredn'ovichni ingumacii u areali pen'kivs'koï kul'turi // Vita Antiqua. Kiïv, 1999. № 2. S. 98–109.
- Sinicyn, Ivan Vasil'evich.* Arheologicheskie issledovanija Zavolzhskego otrjada (1951–1953) // Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. 1959. № 60. S. 39–205.
- Sinicyn, Ivan Vasil'evich.* Pozdnesarmatskie pogrebenija Nizhnego Povolzh'ja // Izvestija Nizhnevolzhskogo Saratovskogo instituta kraevedenija im. M. Gor'kogo. Saratov, 1936. T. VII. S. 71–87.
- Skiba, Andrij Volodimirovich.* Vzajemvidnosini slov'jan ta kochovikiv Pivdenno-Shidnoi Evropi u 6–7 st. (kul'turno-politichnij aspekt). Dis. kand. ist. nauk. Kiïv, 2007.
- Smilenko, Alla Trohimivna.* Glodos'ki skarbi. Kiïv: Naukova dumka, 1965. 83 s.
- Sorochan, Sergej Borisovich.* K voprosu o jugo-zapadnyh prostranstvennyh predelah Hazarskogo kaganata v VII v. // Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Vosprjatije, modelirovanie i opisanie prostranstva

v antichnoj i srednevekovoj literature: XVIII Chtenija pamjati chlena-korrespondenta AN SSSR V. T. Pashuto (Moskva, 17–19 aprelja 2006 g.). Moskva: IVI RAN, 2006. S. 174–178.

Sorochan, Sergej Borisovich. Vizantijskij Herson (vtoraja polovina VI – pervaja polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury. Ch. 1–2. Har'kov: Majdan, 2005. 1648 s.

Stanchev, Stancho; Ivanov, Stefan. Nekropol't do Novi Pazar. Sofija: Izdatelstvo na Bulgarskata akademija na naukite, 1958. 229 s.

Suhobokov, Oleg Vasil'evich. Slavjane Dneprovskogo Levoberezh'ja (romenskaja kul'tura i ee predshestvenniki). Kiev: Naukova dumka, 1975. 167 s.

Suhobokov, Oleg Vasil'ovich. Dniprovs'ke lisostepove Livoberezhzhja u VIII–XIII st. Kiiv: Naukova dumka, 1992. 216 s.

Terpilovskij, Rostislav Vsevolodovich. Slavjane Podneprov'ja v pervoj polovine I tysjacheletija n. e. (Monumenta Studia Gothica. III). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. 232 s.

Vasjutkin S. M. K voprosu ob istoricheskikh sud'bah sarmatskogo naselenija Nizhnego Povolzh'ja // Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ja (materialy nauchnoj konferencii). Penza: Penzenskij gosudarstvennyj ob'edinennyj kraevedcheskij muzej, 1992. S. 19–20.

Vladimirov, Georgi. Ranni b'lgari na Volga i Novinkovskata kultura — problemi, hipotezi, mnenija // EURIKA. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovae. Sofia: Nacionalen arheologicheski institut i muzej — BAN, 2009. S. 307–314.

Zacos, George; Veglery, Alexander. Byzantine lead seals. Vol. I. Basel: J. J. Augustin, 1972. 1965 s.